

Владимир ФАЙНБЕРГ

«ДАРОМ ПОЛУЧИЛИ...»

ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ О. АЛЕКСАНДРЕ МЕНЕ

Москва • 2010

УДК 821.161

ББК 84

Ф17

«ДАРОМ ПОЛУЧИЛИ...»

Ф 17 **Файнберг В. Л.** «Даром получили ...», Воспоминания об о. Александре Мене. — М: БКИЦ «Путь, Истина и Жизнь», 2010. — 160 с.

ISBN 978-5-98024-006-6 © В.Л. Файнберг, 2010
© Путь, Истина и Жизнь, 2010 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начиная писать эту книгу, сразу скажу, что не берусь осмыслить весь тот фантастический путь, который пришлось пройти.

В поисках объяснения того, что со мной происходило, я прочел множество трудов от сочинений древних мудрецов до книг современных российских и иностранных авторов и убедился в том, что никто толком ничего конкретного сказать не может.

Возвышенные словеса, начертанные с большой буквы, загадочная индийская терминология, жуликоватое шаманство самозваных гуру или же рысканье в мистических потемках.

Будучи скептиком по природе, все-таки одолевал и даже конспектировал наиболее «научные» на первый взгляд фолианты и блеклые машинописные рукописи безвестных апостолов парапсихологии, магнетизма, потребителей энергии «ци». Надеялся уловить хоть что-то реальное.

Тогда, в начале семидесятых годов двадцатого века, все в моей стране начало терять почву под ногами. Все начало

разваливаться, становиться зыбким — экономика, политический строй, и самое главное — идеология.

Престарелым вершителям наших судеб какие-то хорошо оплачиваемые бодрые референты для отвлечения трудящихся от предчувствия надвигающейся катастрофы несомненно посоветовали распускать слухи о загадочных неопознанных летающих объектах, снежном человеке, достижениях индийских йогов и прочих «чудесах». Как-то подозрительно одновременно все это мутным потоком полилось со страниц газет и журналов, с экранов телевидения. У многих голова пошла кругом. Тут уж было не до политики и экономики.

У некоторых в домах завелся «полтергейст-барабашка», который любил шалить со спичками и бить посуду.

В ту пору я неожиданно для себя стал счастлив. Благодаря двум обстоятельствам. Мой нудный, тяжелый брак распался. Жена сделала то, что я по доброте не осмеливался сделать. Сама подала на развод.

И в то же самое время меня сократили на работе в объединении «Экран». Режиссерской работы для меня там не было никакой. Лишь бесконечные обещания дать для постановки какую-нибудь дрянь.

Хорошо помню, как я вышел из здания телецентра Останкино, где находилась эта контора, «с чувством глубокого удовлетворения», как любил говорить Л.И. Брежнев. Хотя совершенно не представлял себе, что делать дальше.

Я, казалось, потерял все.

И вот тут-то мне повстречался знакомый, сообщивший о том, что где-то в районе Чистых прудов начала работать

какая-то лаборатория по изучению сверхчувственных возможностей человека. И руководит этим заведением некий физик-теоретик.

Как раз к тому времени я уже перелопатил груды специфической литературы, пытаюсь уловить хоть что-то реальное, нащупать хоть какую-то твердую почву в зыбких мистических болотах.

От этих занятий скепсис мой только укрепился.

...Как я попал в лабораторию, как провел там несколько лет, как подружился с ее руководителем, как прошел длинный курс тренировок — обо всем этом подробно рассказано в романе «Здесь и теперь» и в других моих книгах.

Короче говоря, я на собственном примере убедился в неограниченных возможностях обыкновенного человека.

Мало того, в лаборатории неожиданно стала появляться пожилая женщина Т.Г. Федорова — инженер-химик по профессии, которая начала обучать меня целительству. Тренировала в лаборатории, приезжала ко мне домой.

Когда первые мои пациенты стали выздоравливать, я, не веря в происходящее, посылал их на рентген, к лечащим врачам. В конце концов завел громадную амбарную книгу, где они оставляли свои отзывы — свидетельства о чуде выздоровления.

Тут уж при всем моем скепсисе я почувствовал, что у меня меняется мировоззрение, я становлюсь другим.

Одновременно у меня появилось очень много вопросов, на которые не могли дать ответа ни Т.Г. Федорова, ни руководитель лаборатории. Никто.

Я благодарен судьбе за то, что она привела меня к отцу Александру Меню. Единственному человеку, который мог дать эти ответы. Прояснил для меня Ветхий и Новый Завет, где я нашел наконец ответ на вопрос, что со мной происходит.

С тех пор я стал христианином. Отец Александр благословил мою деятельность. И стал присылать ко мне пациентов из нашего прихода при храме в Новой Деревне.

Кроме того, с тех пор на меня начали набегать волны людей, жаждущих научиться тому, чему научился я.

...Лаборатории давно не существует. Т.Г. Федорова умерла.

Что делать? Повторяю, я никакой не гуру.

Могу лишь предложить систему упражнений-ступенек, по которым я поднимался. С минимальными комментариями.

Более подробные сведения можно найти в моих предыдущих книгах — «Здесь и теперь», «Навстречу Нике», «Иные измерения» и других.

Когда ко мне приходят люди, желающие хотя бы ощутить, что это за таинственная «энергия», которой якобы обладают экстрасенсы, я отодвигаюсь от них подальше, на 3–4 метра, предлагаю каждому поднять руку с растопыренными пальцами и издали провожу своей ладонью справа налево, слева направо.

Любопытно, что большинство из них сразу ощущает нечто вроде явственного дуновения, проходящего по всему фронту ладоней. Влияние движения воздуха, ветерка исключено из-за дальности расстояния.

Мало того, когда-то, когда я впервые столкнулся с этим феноменом, я сильно усложнил этот эксперимент. Договорился с другим человеком, который жил в другом городе — Новосибирске, и в оговоренное по телефону время периодически «сигналил» из Москвы своей ладонью на его ладонь. Потом мы по телефону сверили время ощущения и моих сигналов. Оно полностью совпадало. Минута в минуту.

Что же это за «энергия»?

Толком не ведаю.

Знаю только, что это — нечто волшебное, что исходит при определенном настрое из моей ладони. Способное исцелить, вообще творить чудеса.

Я убежден в способности каждого человека ощущать эту «энергию», накапливать ее, ею управлять. Она способна нести заложенную в ней информацию в любое место вплоть до клеточного уровня.

Чтобы овладеть ею, требуются терпение, определенные упражнения, на первый взгляд примитивные, но при всей кажущейся простоте к ним нужно подготовиться.

1

ЗАПОМНИТЕ:

1. У вас должно быть место, где никто и ничто не должно отвлекать вас от занятий. Ежедневные упражнения не займут много времени. 15 минут после сна и 15 минут перед самым сном. Детей, собачек, кошечек в это время в вашей комнате быть не должно. Телефон выключен.

2. Лягте на спину, ничем не укрываясь. Руки и ноги свободно раскинуты. Дайте отзвучать хаосу мыслей. Не боритесь с ними, а просто дайте отзвучать. И начинайте прислушиваться к тому, что ощущают ваши руки и ноги. Ничего не надумывайте. Просто чувствуйте как оно есть.

Через минут 15 встаньте и запишите в специально заведенную тетрадь свои ощущения. Коротко. Честно. Две-три строки.

Если будете таким образом заниматься утром и вечером минимум месяц, вам будет что записывать.

3. Необходимо завести небольшое комнатное растение, которое вам симпатично. Неважно, цветущее оно или нет. С ним вам придется заниматься довольно долго.

В свободное время поставьте его перед собой так, чтобы свет падал сбоку или с вашей стороны. Усядьтесь против него, расслабьтесь и смотрите. Для начала изучите строение листьев, цветков, если есть, веточек. А потом просто смотрите рассеянным взглядом. Минут по десять. О том, что стали замечать, тоже обязательно записывайте.

Помните: все упражнения должны доставлять вам РАДОСТЬ!

Ни с кем не болтайте об этих занятиях, не хвастайтесь своими успехами.

2

После четырех-пяти дней занятий лежа попробуйте вычленить только тепловые ощущения в руках и ногах. В последующие дни попробуйте уловить и другие. Только не путайте их с нормальным течением крови в сосудах, подрагиванием мускулов, покалыванием.

Когда вы заметите какие-либо изменения, попробуйте также лежа, в своем воображении «натянуть» «энергетический чулок» на левую ногу, на правую. От стоп до бедер.

Так нужно упражняться минимум неделю. Пока не почувствуете реально перемещение чего-то по ногам, следующего за вашей мыслью.

Продолжайте упражнения с цветком. Если стало что-то видно вокруг него, закройте глаза, попытайтесь удержать цветок в своем уме хотя бы на полминуты. Если начали видеть нечто необычное, попробуйте зарисовать это цветными карандашами.

Периодически спрашивайте себя: «Чего я хочу на самом деле от жизни?», «Вижу ли хотя бы в своих близких самого себя?»

В ответах нужно быть честным.

...Индусы изобрели великую формулу: Я — Ты. Ее суть состоит в том, что в каждом человеке есть ты сам. Осознание этого факта — величайший рычаг, с помощью которого можно творить чудеса.

3

Кажущиеся рутинными упражнения нужно продолжать, постепенно их усложняя.

На вдохе поднимайте «энергию» то по правой, то по левой руке от кисти до плеча. На выдохе постепенно опускайте ее вниз.

То же самое с ногами.

Попробуйте сделать несколько таких циклов без пауз.

Созерцайте цветок открытыми глазами. Все дольше удерживайте его в закрытых глазах.

Вот вам в награду за старания подарок. Сидя, расположите обращенные друг к другу ладони с чуть расставленными пальцами. Пусть для начала расстояние между ними будет 15–20 сантиметров. Медленно вращайте одной ладонью против другой. Это очень легкое и эффективное упражнение.

Его можно проделывать в одиночестве в любой обстановке, в любое время. Тот, кто добросовестно занимается, кое-чему удивится.

4

Постепенно увеличивайте расстояние между ладонями. Настанет день, когда вы раздвинете их на ширину плеч и будете явственно ощущать их движение относительно друг друга.

И тогда вообразите, что у вас на одной ладони лежит яркий солнечный шарик размером, скажем, с мяч для пинг-понга. Перекиньте его в своем воображении из одной ладони в другую. И обратно. Поиграйте так несколько раз.

А потом попробуйте «покатать» этот «шарик» несколько раз по внутренней стороне вашей руки от ладони к подмышке. Сначала по одной. Потом по другой.

Обратите внимание, я не указываю никаких сроков. Одному человеку дается продвижение быстрее, другому медленнее. Отнеситесь к упражнениям, как дети к игре. Легко и радостно.

5

Утром, едва встав с постели, приступайте к важному, очень полезному упражнению: напряжение — расслабление.

Стоя, на вдохе напрягите изо всех сил пальцы ног, ступни, икры, бедра, живот, все туловище, шею. Напряжение должно прийти быстро, как волна снизу вверх.

Затем на выдохе идет расслабление сверху вниз.

Вскоре эта минутная зарядка станет доставлять вам удовольствие.

Теперь вернемся к ладоням. Оказывается, если указательным пальцем одной руки совершить круговые движения над ладонью другой, явственно чувствуется, что по ней бежит некий круг.

Мало того, когда вы просто посмотрите на свою ладонь и начнете совершать круговые движения головой, круг начнет вращаться!

А потом попробуйте, глядя на ладонь, вращать этот круг в своем воображении. Он завертится.

Нужно сказать, что ладони реагируют по-разному. У меня, к примеру, чутко реагирует левая ладонь. Почему — не знаю.

Теперь поговорим о так называемой «позе кучера». Существует тьма пособий по так называемой «трансцен-

дентальной медитации». Там об этой позе написано множество слов, усложняющих жизнь.

Просто сядьте, прислонясь спиной к спинке стула или к стене, так, чтобы линии спины и шеи были на одной прямой. Руки свободно лежат на коленях раскрытыми ладонями вверх. Расслабьтесь. И последите за тем хаосом мыслей, который царит у вас в голове. Просто последите минут 10.

Недаром индусы говорят, что наш мозг — «сумасшедшая обезьяна».

6

Поставьте перед лицом ладонь, поморгайте глазами. И вы почувствуете, как ладонь отзывается на каждый взмах ваших ресниц.

Порой примерно к этому времени занятий, несмотря на ежедневные открытия, может наступить спад, некоторая усталость. Еще бы! Ваш организм начал перестраиваться на тонком уровне. Тут важно не пересиливать себя, сделать паузу на несколько дней, на неделю. Дайте себе продых. Вспомните все, чему научились. И с легкостью приступайте к дальнейшим занятиям.

Продолжайте перекидывать из ладони в ладонь воображаемый солнечный «шарик», запускайте круги на ладонях.

Возьмите обычную школьную линейку. Медленно проведите ею над рукой от кисти к плечу. И вы почувствуете, как вслед за нею поднимается теплая волна. Через день-другой вместо линейки можно воспользоваться ребром ладони другой руки.

Сядьте перед своим растением в «позе кучера». Посмотрите на него рассеянным взглядом. Закройте глаза. И когда растение восстановится в вашем сознании, мысленно задайте ему вопрос: «Откуда ты?»

Подождите ответа. Зрительного. Или того, который прозвучит в мыслях.

Потом спросите: «Чего тебе хочется?» Вопросы можно варьировать. Например: «Когда ты расцветешь?».

Не забывайте все записывать в тетрадь. Настанет время, когда вы заметите, что эта тетрадь поддерживает ритм ваших занятий. И самое главное: записывая и перечитывая, вы на глубинном уровне заново повторяете пройденное.

7

А теперь неделю снова позанимаемся руками и ногами. Три утра, лежа, поднимайте тепло только усилием воли по левой руке. По правой. Только не забывайте потом его опускать обратно. Затем по левой ноге, по правой. В конце концов попробуйте одновременно поднять тепло по всем четырем конечностям.

Сядьте в «позу кучера». Постарайтесь ни о чем не думать, а только ощущать все свои четыре конечности. Просто ощущать. Между прочим, это упражнение очень хорошо делать в минуту усталости.

Продолжайте медитировать с цветком. Зарисовывайте цветными карандашами то, что вы видите вокруг него.

...Если вы добросовестно занимались все это время, попробуйте на темном фоне крепко свести вместе кончики большого и указательного пальцев. А потом медленно разведите их перед глазами. И увидите между ними некий светящийся столбик. Поднесите к нему указательный палец другой руки. Середина столбика потянется за ним.

Таким образом, при помощи этого теста можно проверить, насколько вы продвинулись на данном этапе.

8

Теперь наряду со старыми вам предстоит перейти к совершенно новому циклу упражнений. По-своему увлекательному.

Утром, лежа после сна, последовательно вспомните весь вчерашний день с утра до вечера.

Вы должны видеть себя СО СТОРОНЫ. Как в немом кино. Не увязая в воспоминаниях, в разговорах, в мелочах. Это упражнение нужно научиться делать быстро. За 3–5 минут.

Потом встаньте, сделайте напряжение-расслабление, помедитируйте с цветком. Напоследок пройдите ладонью поверх края стола, почувствуйте этот край. А вечером или на другой день, закрыв глаза, снова пройдите ладонью сантиметрах в 10 над краем стола, над его углом. И вы убедитесь в том, что ладонь четко ощущает форму предмета, «видит» на расстоянии.

Если ваши занятия происходят летом возле моря, реки или озера, обязательно плавайте НА СПИНЕ. Или просто лежите на воде лицом вверх. При этом вы частично попадаете в состояние невесомости. Позвоночник расслабляется, позвонки перестают давить друг на друга, высвобождаются корешки нервов.

Лежать на воде, плавать особенно полезно для ваших занятий.

Кстати, о «водных процедурах». Если устали и рядом нет водных просторов, встаньте под душ так, чтобы струи воды попадали вам на макушку. Температура воды должны быть теплая, комфортная.

Постойте под струями минут 10–15 так, чтобы руки свисали вдоль тела, ноги не соприкасались друг с другом. Расслабьтесь. Потом мягко промокните сухим полотенцем. Не растирайтесь.

9

Сегодня вспоминайте позавчерашний день с утра до вечера, который вы уже вспоминали. А затем без пауз точно так же вспоминайте и вчерашний. Сначала по ходу времени, затем по противоходу. Помните, вы видите себя со стороны, как в немом кино. Двигайтесь от вчерашнего вечера к позавчерашнему утру.

Спервоначально это кажется трудным. На самом деле ничего страшного. Нужно тренироваться. Это по-своему увлекательное занятие. С каждым разом будут всплывать все новые подробности вашей жизни.

Не затягивайте это упражнение надолго. Весь цикл туда-обратно должен поначалу занимать у вас минут 15. Потом все меньше.

Будет хорошо, если вам удастся таким образом день за днем нарастить подряд целую НЕДЕЛЮ таких воспоминаний. По ходу и против хода времени.

Эффект от этого упражнения необычайный. Например, когда вы будете видеть себя сворачивающим за угол, спеша на работу, вы однажды почувствуете, как вас обдал ветер.

...Сядьте в «позу кучера». Если прежде вы ощущали только свои конечности, то теперь исключите их из своего внимания. И ощущайте только туловище. Затем,

сидя в той же позе, попробуйте ни о чем не думать. Просто следите за хаосом мыслей. С удивлением будете констатировать, что некоторые мысли принадлежат не вам...

Не гонитесь за быстрым успехом. Весь этот первоначальный курс занятий рассчитан примерно на 8 месяцев.

10

Когда-то, когда я был примерно на этом этапе тренировок, я ехал в метро и, сидя, глянул вверх на пассажира, придерживающегося за металлическую штангу.

И увидел, что его рука охвачена розоватым сиянием, словно пламенем. От рук других пассажиров тоже исходило свечение.

От голов других людей, сидящих напротив меня, исходила, зыбко мерцала разноцветная аура.

Я едва не проехал свою станцию.

Придя домой, решил посмотреть на собственные руки. Протянул их к черным стеклам, закрывающим нижнюю часть серванта. И через секунду-другую увидел, что из каждого пальца исходит розовое сияние наподобие маленьких прожекторов. Когда я приблизил пальцы одной руки к пальцам другой и стал разводить руки в стороны, между пальцами растянулись зыбкие розоватые полосы. Так возникло новое упражнение — «гармошка».

Делайте его на темном фоне. Так, чтобы свет падал сбоку или сзади.

Интересно, что свечение пальцев увеличивается с интенсивностью дыхания.

А еще можно поставить перед собой зеркало, сесть и смотреть чуть вверх головы. Точно так же, как вы смотрите на свой цветок.

Когда я впервые столкнулся со всеми этими чудесами, я почувствовал себя немножко сверхчеловеком. И это было очень опасно.

11

Достаньте красную и синюю бумагу, нарежьте ее на несколько одинаковых квадратов, разложите перед собой на столе. Проведите над ними ладонью, почувствуйте разницу ощущений. Потренировавшись несколько дней с открытыми глазами, закройте глаза. Так можно научиться «видеть» ладонью цвет, форму, а впоследствии и материал, из которого сделан предмет. Но об этом речь впереди.

А пока доскажу, как я почувствовал себя сверхчеловеком.

К тому времени обучения у Т.Г. Федоровой я по ее настоянию принялся целить больных. Дело, к моему удивлению, пошло. И я пустился во все тяжкие. Вскоре через мою квартиру потекли десятки, а потом и сотни людей. Из-за границы тоже. Стал получать такие, например, отзывы: «Я, Волкова Людмила Антоновна, несколько лет назад обратилась к Владимиру Львовичу по поводу непроходящей щемящей боли в области сердца, постоянных сильных болей в левой части головы, спазмов сосудов головы.

После одного сеанса боли в сердце прекратились, спазмов сосудов головы до настоящего дня не было, головные боли исчезли. Чувствую себя здоровым, работоспособным, нормальным человеком».

Было от чего пойти голове кругом! Исцеленные начали приносить деньги, подарки...

Можете мне верить, можете не верить, но однажды среди бела дня я вдруг опомнился, сказал себе — стоп! Я вспомнил: Христос говорит: «Даром получили — даром давайте».

12

Тем, чему вы учитесь, потенциально обладает каждый. Мы задуманы, созданы как существа с неограниченными возможностями. Ученые утверждают, что огромное количество клеток нашего мозга почему-то бездействует.

Я подозреваю, что наши упражнения возбуждают эти клетки к работе, создают новые связи между нейронами.

При этом, прочитав множество медицинских книг, руководств по иглоукалыванию и прочего, достоверного ответа на вопросы, почему многие мои пациенты выздоравливают и почему у них, скажем, вылетают камни из почек, я не нашел вразумительного ответа.

Иногда достаточно настроиться, привести свои руки в рабочее состояние, поставить или положить больного перед собой и просто промыть его «энергией», как он выздоравливает. Что подтверждается рентгеном, лечащими врачами.

Что происходит?

Ясно одно — тут нет никакого чуда. Чувствуешь себя просто проводником чего-то идущего откуда-то сверху.

Христос говорит в Евангелии: «То, что делаю Я, будете делать и вы».

Между прочим, обратите внимание, Он никогда ни за что не брал платы. Не требовал поклонения.

С Христом хорошо быть.

...Избирательно повторяйте упражнения, которые вам хуже давались. Продолжайте вспоминать последние два дня с позавчерашнего утра до нынешнего вечера и обратно.

«Наведите» ладонь на край или угол стола. Прочувствуйте его. Затем отойдите на полшага, на шаг. Запишите, на каком расстоянии вы перестаете чувствовать стол.

Разложите перед собой на столе металлический нож, пластиковую расческу, деревянную линейку. Прочувствуйте правой ладонью, как по-разному «сигналят» эти предметы. Затем сделайте то же самое левой ладонью. Узнайте таким образом, какая из ваших ладоней более чуткая.

13

В Индии существует такое понятие — прана. Она содержится в воздухе. Но это не кислород, водород или азот. Невидимая, не фиксируемая приборами некая субстанция. Существует ли она на самом деле?

Думаю, что да. Мало того, ее можно не только ощущать, но и накапливать.

Откройте форточку. Расслабьтесь, лежа на спине.

Вообразите, что в воздухе содержится эта самая прана, сделайте такое допущение. В средневековой Европе ее называли «таинственная амброзия».

Вдохните ее носом и плавно направьте в солнечное сплетение — чуть выше пупка. Отцеженный воздух выдыхайте через нос.

Плавно, вдох за вдохом накапливайте прану. Когда вы почувствуете тепло или легкое, приятное жжение над пупком, представьте себе эту прану, скопившуюся в виде шарика.

На следующий день таким же образом доведите накопленную прану до размера наперстка.

На третий день доведите свои накопления до размера куриного яйца.

Некоторые люди доводят эти накопления до размера футбольного мяча. Но тогда жжение становится нестерпимым.

Эту прану можно волевым приказом перемещать снаружи по телу, внутрь, в тело пациента. Она целительна.

Все же, если начали ощущать сильное жжение, упражнение нужно прекратить.

...Пусть кто-нибудь из ваших близких, когда вы выйдете из комнаты, разложит на столе под скатертью 2–3 плоских предмета из разных материалов.

Когда вы вернетесь, проведите ладонью над скатертью, попробуйте их найти (лучше с закрытыми глазами), определить, что за предметы, из чего они сделаны.

Не огорчайтесь, если поначалу ошиблись. Это дело практики.

14

Покидайте «шарик» из ладони в ладонь, заведите круг на ладони. Короче говоря, возбудите ее. А потом попросите кого-нибудь из близких выставить свою ладонь против вашей на расстоянии 30 сантиметров, затем метра, полутора... «Сигнальте» на нее, то есть поведите своей ладонью влево-вправо, вверх-вниз.

Ваш партнер должен почувствовать этот сигнал. Да так, что через день-другой подобной тренировки отошлите его, скажем, на кухню, а сами просигнальте на его поднятую в вашу сторону ладонь из комнаты.

(Запомните только — подобные эксперименты нельзя проводить с маленькими детьми.)

Для того, что исходит из ладони, нет стен, нет расстояний. Оно способно нести информацию, заложенную вашей мыслью.

Так однажды я, сидя дома в Москве, снял высокое давление у человека, пребывавшего в Канаде.

Едучи в метро или находясь в спокойную минуту на работе, не упускайте возможности посмотреть поверх голов окружающих людей, видеть их ауру.

Среди дня мимоходом обследуйте ладонью различные предметы. Например, уловите издали, как «сигналит» чайник с холодной водой, горячей. Пусть в вас пробуждается Исследователь!

В «позе кучера» продолжайте следить за хаосом мыслей. Потом проанализируйте — какие принадлежат вам, какие явно не ваши, явились из «ноосферы», как говорил академик Вернадский.

15

Возьмите какую-нибудь любимую книгу из своей библиотеки. Обследуйте ладонью, как она «звучит». Затем попросите кого-нибудь, когда вы выйдете из комнаты, спрятать ее.

Войдите и попробуйте отыскать ее ладонью. Делать это надо быстро, доверяясь тому, что называют интуицией.

Подобным образом можно тренироваться с разными вещами. Носильными, например. «Куда делся мой шарф? Перчатка?»

Однажды наступит день, когда и ладонь вам не будет нужна. Вы зададите себе вопрос, закроете глаза, и в вашем сознании возникнет картинка того места, где лежит искомая вещь.

Так в частности начинается путь к диагностике. Вы будете находить источник болезни.

16

С этой ступени вы приступаете к новому этапу занятий.

Сделайте быстрой волной напряжение-расслабление. Поставьте перед собой человека. Протяните в его сторону ладонь и попробуйте, постепенно приближаясь, определить, насколько далеко простираются границы его поля. Иначе говоря, ауры. Пробуйте издали. Для начала, скажем, с метрового расстояния.

Постепенно приближайтесь, пока ладонь не ощутит некую упругую преграду, некое уплотнение. Оно окутывает все тело. Это и есть аура.

Проведите рукой над макушкой этого человека и почувствуете, что над ней стоит некий столбик. У очень здорового человека он поднимается очень высоко. У больного — короткий.

Вообще, чем более здоров обследуемый, тем дальше распространяется аура от его тела.

Такая тренировка очень важна. Постепенно нужно научиться определять конфигурацию ауры сразу двумя руками.

Теперь переходим к новому упражнению. Вообразите, что у вас в правой руке лук — древнее оружие. В левой руке — стрела с острым наконечником, оперением.

Вы должны вложить стрелу одним концом в тетиву, изо всех сил натянуть ее, прицелиться и «выстрелить». Цель должна быть конкретная. Вплоть до того, что придется заранее нарисовать и повесить на стену мишень.

Учтите, тетива тугая. Попасть в мишень трудно. Вы сами почувствуете — попали или нет. Так нужно упражняться день за днем.

...Сидя в «позе кучера», сосредоточьте ваше сознание чуть выше головы. Пребывайте в таком состоянии по 10–15 минут каждый день.

17

А сейчас я вам скажу вот что: часто, если просто поставить перед собой человека, которому нездоровится или даже он серьезно болен, и 5–6 раз провести ладонями по его ауре сверху вниз, очистить ее от всякой скверны, он только от одной этой процедуры приходит в себя. А порой и выздоравливает.

Как говорится, кто не верит — пусть проверит.

Правда, для этого ваши руки должны быть натренированы, центры ладоней должны быть открыты.

...Сядьте в «позу кучера». Закройте глаза. И сконцентрируйте сознание на лбу. Над переносицей. Смотрите внутренним взором только туда. Не напрягаясь.

Это — та самая волшебная чакра, которую индусы называют аджна. Третий глаз. Метят ее красной точкой.

Можно для начала надавить над переносицей ногтем, чтобы было легче концентрироваться.

Это упражнение нужно делать много дней в полной тишине и покое.

18

Концентрация на аджне со временем начнет давать неожиданный эффект. Забегая вперед, могу сообщить, что в закрытых глазах появится голубоватый кружок. В нем звездочка.

Спокойно вдыхая и выдыхая, нужно продолжать смотреть на нее. Отмечать, становится ли она ярче при вдохе.

Не торопитесь! Упражнение рассчитано на много дней.

Встаньте. Расслабьтесь. Приступаем к новому упражнению, которое я называю «лампасы». Нужно одновременно возбудить чувствительность обеих ног по их внешней, боковой стороне. От стоп до бедер.

Хотя упражнение делается мысленно, для начала можно помочь себе. Пригнитесь, поведите наиболее активной ладонью у внешних краев стоп, и уже потом можно мысленно поднимать чувствительность до бедер. Вы должны добиться реального ощущения подъема. Боковые стороны ног станут явно теплеть. Особенно эффективно это упражнение, если ноги перед этим подмерзли.

Теперь перед вами встает проблема: необходимость тренироваться с разными людьми. Где их взять? На рабо-

те? Придется отвечать на расспросы — зачем, для чего? Прослывете в лучшем случае чудаком.

Находите среди домашних, среди друзей.

Поставьте перед собой человека, как в прошлый раз. Обследуйте его ауру. Учтите — чем дальше ее границы отстоят от тела, тем здоровее этот человек. Если ваша ладонь будет достаточно чутка, вы обнаружите, что аура иногда бывает несимметрична. У нее кое-где есть некоторые выступы или, наоборот, провалы.

Попробуйте осторожными, но быстрыми движениями обеих рук уравнивать ауру, сделать ее симметричной.

Объективным критерием вашей работы будет улучшение самочувствия обследуемого.

19

К этому времени у вас накопилось много упражнений. Подумайте, какие из них самые любимые, доставляют удовольствие. Повторяйте их без моих напоминаний, чтобы быть в тонусе. Тогда вам начнет открываться новое ощущение себя в мире. При этом вы в полной мере осознаете, почувствуете смысл формулы Я — ТЫ. То есть будете видеть в другом себя. «Возлюби ближнего, как самого себя», — говорит Христос, открывая для нас великую тайну взаимоотношений между людьми, делая нас волшебниками.

Повторяю: только не гордитесь собой. Теоретически каждый человек может научиться тому, чему уже научились вы.

Это — только начало. Помимо выполнения нового витка упражнений, вам придется отыскивать ответы на все время возникающие вопросы, много читать. Минимальный список соответствующей литературы приведен в конце книги.

Теперь получите новое задание. Оно очень легкое, приятное.

Утром, сидя или лежа с закрытыми глазами, представьте себе ночное море или далекую гряду гор (неплохо бу-

дет, если представите себе конкретный пейзаж, который когда-то уже видели).

И вот должен начаться рассвет. Из-за гор или морского горизонта возникает розоватое сияние. Постепенно показывается золотистый краешек светила, чуть озаряющий местность. Наконец оно возникает во всей красе, отрывается от горизонта, всплывает вверх.

Смотрите на него в своем воображении. Через несколько дней таких упражнений вы почувствуете на своем лбу ласковое тепло его лучей.

20

Нет ничего отвратнее самодовольного человека, его уверенности в своей непогрешимости. И все же вы должны доверять пробуждающейся в вас интуиции, набираться опыта диагностики и целительства.

Обследуя человека, обратите особое внимание на «столбик», поднимающийся над его головой. Он ощущается как явное уплотнение воздуха, имеющее свою форму.

Иногда «столбик» короткий, вялый, клонящийся набок.

Обеими руками волевым усилием энергично выпрямите его, внимательно следя за состоянием пациента.

Сделать это нужно за 1–2 минуты. Изменившееся состояние к лучшему станет для вас объективным тестом.

Уверенность в том, что вам удалось практически помочь человеку, очень важна.

...Помните, были у вас красные и синие квадратики? Добавьте еще один цвет. К примеру, черный. Заложите три этих квадрата в три одинаковых конверта, перемешайте их. И, прикрыв глаза, по очереди подносите ко лбу. Туда, где «третий глаз». Не старайтесь угадать, а увидеть, где какой цвет. Первое впечатление, как правило, бывает самым точным.

Долго заниматься этим не стоит. Потренируйтесь раз-другой и отложите до следующего дня.

21

Я лично избегаю диагностировать пациентов. Предпочитаю, чтобы они приходили с уже установленным диагнозом, поставленным в клинике.

Обычно меня одолевают больные, которых не смогла вылечить традиционная медицина.

Тем не менее, там, в клиниках, есть рентген, другие приборы, объективно устанавливающие диагноз, опытные врачи. Я же — просто человек без медицинского образования, писатель. Сегодня я в одном состоянии, завтра в другом. Могу, не дай бог, ошибиться с диагнозом. Поэтому кроме крайних случаев предпочитаю больных с готовым диагнозом.

Конечно, первым делом проверяю, насколько точно этот диагноз поставлен. Для этого нужен опыт, развитое чувство интуиции. Поэтому не советую сразу брать на себя такую ответственность. А если вы ошибетесь и скажете человеку, что у него какая-нибудь серьезная болезнь? Он же начнет с ума сходить. А вы ошиблись...

Теперь поговорим о воде. Вода — воистину таинственная субстанция. Каким-то образом она принимает, хранит и переносит информацию. Недаром русские сказки говорят о живой и мертвой воде. Недаром в церкви освящают воду и она становится целительной. Святой.

...Возьмите два одинаковых стакана, наполните их наполовину обыкновенной водопроводной водой. Один стакан отставьте в сторону. Он будет контрольным.

Возбудите ваши ладони. В течение 3–5 минут облучайте — быстрыми, резкими движениями стряхивайте в воду то, что исходит из концов ваших пальцев, думая при этом (а по существу молясь), чтобы эта вода стала целебной, обновила организм.

А если страдает какой-либо внутренний орган, просите, чтобы она дошла туда и принесла выздоровление. Просто просите. Как ребенок.

Дайте кому-нибудь попробовать воду из этого стакана. А потом из контрольного. Люди сразу чувствуют разницу! Попробуйте и сами.

Эту воду полезно выпить. В крайнем случае, полить ею цветы.

22

Возможно, вам будет интересно поставить такой опыт. Достаньте некоторое количество свежих, всхожих семян. Например, пшеницы. Или овса. Положите в два блюдца по тряпочке. Одна из них пусть будет обильно смочена облученной вашими руками водой. Другая — обыкновенной. Разложите на каждой тряпочке по 40 семян. Поставьте эти блюдечки в теплое темное место. Прикройте их чем-нибудь. Хотя бы газетой.

Затем каждое утро облучайте руками одно из этих блюдечек; экспериментальное. Любя все эти семена, желая им благополучно взойти (формула Я — Ты действительно и в отношении растений).

Примерно через 7–10 дней семена прорастут. Посчитайте, сколько взошло в экспериментальном блюдце, сколько в контрольном. В этом контрольном всходов будет меньше. И они будут более хилыми.

Если отчетливой разницы не получилось, это будет означать, что вы оказались не на высоте. Соберитесь со свежими силами и поставьте опыт сызнова.

Начавшие расти семена хорошо бы посадить в два разных горшочка с землей. И продолжить облучение экспериментальных растений. Потом будет интересно сравнить скорость их роста с необлученными.

...Если перед вами предстал человек, жалующийся на высокое давление, убедитесь с помощью тонометра, что это действительно так. Задайтесь целью снизить давление до идеального уровня: 120 на 80. Заложите в себя эту программу.

Затем, все время имея ее в виду, энергично сверху вниз — от макушки до ступней проведите обеими ладонями вдоль тела пациента несколько раз. Причем, поднимая для очередного броска руки от его ступней, обратите ваши ладони тыльной стороной к его телу.

После этой процедуры снова замерьте давление тонометром. Оно должно приблизиться к идеальному.

Одновременно нужно следить за состоянием пациента — не шатается ли он, не кружится ли у него голова? Приходится быть очень внимательным, чтобы не переусердствовать.

Если же у человека сильное пониженное давление, нужно сделать то же самое, но наоборот — снизу вверх — от ступней к голове. Ладони поворачивайте тыльной стороной, когда они находятся над макушкой.

23

Когда вам начало удаваться облегчать страдания людей, есть опасность, что вы пуститесь во все тяжкие. Например, возьметесь исцелять больного раком.

Не знаю ни одного случая такого исцеления.

Можно в лучшем случае снять болевые симптомы. Больной подумает, что рак исчез. Откажется от операции. А в это время начнут расти метастазы.

Пожилая женщина — мать моего друга обнаружила у себя рак груди. Врачи настаивали на срочной операции. Она отказалась, поверив обещанию одной известной на весь мир целительницы ее вылечить. За большие деньги.

Я предупредил друга и его маму, что необходимо срочно, пока не поздно, довериться хирургам.

Меня не послушались. Мать регулярно ездила к целительнице. Боли у нее действительно прошли. А через полтора месяца она умерла.

Потом эта самая целительница стояла передо мной на коленях, плакала, просила: «Володя, молю тебя, чтобы меня простил Христос...»

...А теперь вот вам новое упражнение — «маятник». Делается оно сидя.

Представьте себе, что довольно высоко над вами подвешен маятник. Такой, какие бывают в старинных напольных часах.

Когда он в вашем воображении широко раскачивается, представьте себе, что его острая грань проходит вглубь вашей головы между бровями, доходит до затылка и пускается в обратный путь. Нужно четко представлять себе этот маятник, размах его амплитуды.

Это легкое, увлекательное упражнение. Делать его нужно по 5–7 раз. Каждое утро.

24

Утром, когда солнце поднимается над горизонтом, оно — лучший помощник в упражнениях, в целительстве. В любом деле.

После того как оно достигло зенита, происходит какой-то спад. Эффективность любых занятий снижается. Цените утро!

А это упражнение можно делать в любое время. Оно аналогично одному из прежних.

Выйдите из комнаты. Попросите кого-нибудь тщательно спрятать на столе под полотенцем какой-нибудь предмет. К примеру, небольшой заварочный чайник. Что угодно, не слишком маленькое. Войдите, сядьте напротив, посмотрите несколько секунд и попробуйте *увидеть*, что там спрятано.

То, что мелькнет у вас в голове, и будет верным. Не старайтесь угадать.

...Это новое утреннее упражнение нужно делать при открытой форточке. Очень простое. Сидя, глубоко вдохните. Мысленно отсчитайте 7 раз, задержите дыхание, снова отсчитывая 7 раз, и медленно выдохните тоже на счет 7.

Каждое утро проделывайте этот цикл по 5 раз.

25

После того, как вы наряду с другими упражнениями несколько дней занимались глубоким дыханием, можно перейти к следующему, чрезвычайно важному этапу. Накоплению и применению праны.

То, о чем вы прочтете дальше, покажется, возможно, слишком фантастическим. Однако попробуйте убедиться в этом на собственном опыте.

Когда вы ритмически вдыхаете, задерживаете в себе воздух, выдыхаете, вместе с воздухом к вам попадает истинный источник жизни — прана. Вот парадокс: если вы сосредоточены, думаете о ней — попадает. Если не сконцентрированы на ней, вы ее не почувствуете, не сможете накопить.

Итак, глубоко вдохнув, направляйте прану в середину своей головы. Не думайте при этом об анатомии, устройстве мозга. Просто с каждым вдохом накапливайте прану. Отцеженный воздух медленно выдыхайте через нос.

Проделав цикл 7–6 раз, определите, где у вас что-нибудь болит, имеется какой-нибудь дискомфорт. К примеру, поднывает палец на ноге или дает о себе знать печень.

Мысленно направьте на выдохе скопившуюся прану по самому прямому пути внутри организма, опять же не

обращая внимания на анатомию. Прямо к больному месту. И вы почувствуете, что боль исчезает.

Возобновите запас праны, проделайте это еще раз-другой. Боль исчезнет.

Самое удивительное, что точно так же можно лечить другого человека.

Вот он сидит или лежит перед вами. Вы мысленно направляете накопленную прану прямо в больное место — ушиб, зуб, внутренний орган.

Больному не обязательно знать, что вы делаете. Единственное, что нужно, — периодически спрашивать у него о реальном изменении состояния.

26

Дальше, как вы видите, следует цикл специальных гимнастических упражнений. Не пугайтесь! По внешней сути это — та же зарядка. Кое-что из этих упражнений вы уже делали.

Внимательно прочтите, попробуйте сделать каждое в отдельности. За несколько дней ваше тело должно привыкнуть, выучить последовательность перечисленного так, чтобы одно упражнение плавно, почти без пауз, перетекало в другое.

В результате каждое утро после этой зарядки вы будете чувствовать необычайный прилив бодрости.

12 ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ

Выполнять 6 недель

Количество повторений: начинать от 5 раз, добавлять по 1 разу каждую неделю (довести до 10)

Техника выполнения

1. СТОЯ. Поднять обе руки вперед до уровня плеч ладонями вниз. Сильно растопыривая пальцы в стороны,

затем сжимать ладони ладонями вниз. Развести с силой ладони в стороны до положения рук в одну прямую линию на уровне плеч и затем с силой свести их вместе.

2. СТОЯ. Стоять прямо, выпятив грудь. Руки в стороны на высоте плеч, ладони вверх, сжаты в кулаки. С силой прижимать руки с кулаками к плечам, затем развернуть кулаки в стороны и с силой развести руки в стороны. в кулаки.

3. СТОЯ. Поднять обе руки вперед до уровня плеч.

4. СТОЯ. Руки по швам. С напряжением поднять их через стороны вверх до соприкосновения над головой и затем с напряжением опустить. При подъеме вдох, при опускании выдох.

5. СТОЯ. С силой выбрасывать руки то вперед, то назад до уровня плеч, легко сгибаясь в противоположном направлении.

6. СТОЯ.

а) Глубокий вдох и задержка. Сильно напрягая мускулы ног, наклониться вперед, коснуться пола руками. Медленно с напряжением выпрямиться, постепенно выдыхая.

б) То же самое, но наклон назад.	Руки свободно висят
в) То же самое, но наклон влево.	
в) То же самое, но наклон вправо.	

7. СТОЯ. Медленный, с напряжением поворот корпуса то в одну, то в другую сторону. Ноги неподвижны. Руки висят свободно.

8. ЛЕЖА. Лечь на спину, ноги вместе, выпрямлены, ладони положить на грудь. Медленно поднять верхнюю

часть тела и сесть, затем так же медленно лечь, не отрывая рук от груди.

9. СТОЯ. Держась за спинку стула, медленно с усилием присесть на выдохе с прямой спиной. Так же медленно с прямой спиной подниматься на вдохе.

10. СТОЯ. Стоять одной ногой на низкой скамеечке. С силой выбрасывать вперед—назад свободную ногу.

11. СТОЯ. Упереться в стену двумя ладонями немного выше и шире плеч. Медленно на вдохе прижать грудь к стене, с силой сжимая руки. Сделать задержку после вдоха. На выдохе плавно и медленно, с напряжением разжимая руки, отодвинуть грудь от стены до выпрямления рук. Высота ладоней и расстояние между ними должны быть такими, чтобы грудь прижалась к стене с достаточным трудом.

12. СТОЯ. На вдохе напрячь максимально все тело последовательно снизу вверх от кончиков пальцев на ногах до макушки. На выдохе последовательно сверху вниз расслабиться.

27

Теперь, когда вы научились глубоко дышать, нужно привыкнуть к сглаживанию переходов от вдоха к задержке и выдоху. Делайте это плавно.

Обратили ли вы внимание на то, что в лечении праной и работе с «заряженной» водой есть что-то общее? В самом деле, если вы стряхиваете в стакан с водой то, что излучают ваши пальцы, и при этом вы мысленно просите молекулы воды проникнуть в больное место пациента, излечить его (к примеру, от колита, гастрита, изгнать камни из почек), то, как ни фантастично это звучит, эффект обязательно будет!

Конкретный механизм такого чуда я объяснить не в состоянии. Как никто до сих пор не может толком объяснить, что такое электричество.

ОДИН ИЗ ОТЗЫВОВ

«Я, Акимов Кирилл Дмитриевич, композитор, страдал хроническим холециститом. Рентгеновские снимки наводили на подозрение наличия рака в желчном пузыре. После перенесенного стресса (мою дочь сбила автомашина) я получил обострение гипертонической болезни с повышением верхнего давления до 200–210.

После двух сеансов лечения, проведенного Файнбергом Владимиром Львовичем, все признаки вышеупомянутых болезней прошли.

В настоящее время все медицинские исследования подтвердили, что я практически здоров.

К. Акимов».

28

Итак, вы упражняетесь с «солнышком». Сидя с закрытыми глазами, старайтесь представить его себе — яркое, сияющее.

Пусть усилием вашей воли и воображения оно продвинется через межбровье внутрь головы. В самый ее центр.

А затем представьте его себе в закрытых глазах.

...Каждый день помимо продвижения по этому пути вы ведете обычную жизнь, встречаетесь с людьми. Хотелось бы, чтобы вы были в высшей степени доброжелательны с ними. Конечно, без притворства и сюсюканья.

И чем больше искренни вы будете, тем резче почувствуете однажды их лукавство.

Наступит миг, когда вы поймаете себя на том, что улавливаете чужие мысли. О чем на самом деле думает человек...

Между прочим, мне из любопытства несколько раз доводилось сталкиваться с практикующими психотерапевтами, я за обилием их слов, «полезных» советов всегда видел тщательно скрываемую картину их личных несчастий, катастрофического неблагополучия. При этом главной их мыслью в конечном итоге было — выманить из клиента побольше денег.

29

Занимаясь с «солнышком», давайте себе роздых.

К примеру, мысленно продвиньте его внутрь головы. Попробуйте увидеть его в закрытых глазах. Потом в открытых. Сделайте паузу. Затем повторите упражнение раз-другой.

Это упражнение направлено на открытие «третьего глаза».

Когда я им достаточно долго занимался, я вдруг обнаружил, что вижу светящийся кружок не только в закрытых глазах, но и в открытых. Мало того, идя по улице, я все время видел его перед собой на расстоянии 10–15 сантиметров.

Однажды вечером, когда я ехал в метро, внезапно окружающие люди предстали передо мной голыми. Я переводил испуганный взгляд с одного человека на другого и видел их в чем мать родила. Это было очень неприятно, даже противно. И я навсегда запретил себе так смотреть на людей. Оказывается, такая способность быть «живым рентгеном» регулируется усилием воли.

Можно самому проверить, насколько открыт «третий глаз».

Проведите несколько раз наиболее чувствительной ладонью у себя над лбом. И вы ощутите бьющийся из межбровья прожектор.

30

После того как вы вымылись в ванной или в душе, сядьте, не одеваясь, расслабьтесь, дайте отзвучать в вас разным суетным мыслям. И взгляните на свое тело, начиная с кончиков ног. Подумайте о совершенстве того, что создал Господь.

Постепенно, поднимаясь взглядом снизу вверх, убедитесь в невероятной целесообразности устройства вашего организма, его гармоничности, приспособленности для существования.

То же наблюдается и у зверей, у птиц, у растений. Посмотрите свежим взглядом!

Мы живем в тайне. Ученые до сих пор не могут найти то место в мозгу, где у нас рождается мысль...

Между прочим, вот вам тема для размышления. Как-то Т.Г. Федорова рассказала мне о том, что долго не могла понять и запомнить анатомию внутренних органов человеческого тела.

Однажды она приходит в баню, в парилку, где находятся и другие женщины. И вот на покрытой водой и паром противоположной стене вдруг проявляется неземной красоты девушка. Она растворяет руками свою грудную клетку. Ребра расходятся в стороны, как дверки. И Татьяна Григорьевна видит все внутренние органы. Ра-

ботающие. И она постигает то, чего до этого мгновения не могла понять.

Характерно, что все остальные бывшие в парной женщины ничего не увидели.

Великий учитель Церкви блаженный Августин писал о том, что чудо находится не в противоречии с природой, а с тем, что мы знаем о ней.

31

Вот ведь странная на первый взгляд вещь. Бывает, накапливается усталость. Просто физическая усталость. Негде лечь, вытянуться, выспаться. Что делать?

Вспомните родник. Наверняка каждый из нас видел родник — в лесу, в горах, в чистом поле.

Хрустальной свежести вода бьет откуда-то из-под земли, пульсируя, словно сердце.

Представьте себе, что вы стоите у этого самого конкретного родника и набираетесь у него сил. Не пройдет и нескольких минут, как ваши ноги словно начнут наполняться тихим гулом. Животворная энергия начнет подниматься по вашему телу, смывая усталость.

Мысленно поблагодарите родник. И запомните: отныне у вас есть друг.

Тот же эффект получается, если вам встретиться реальным, не воскрешенным в воспоминании родником.

Должен сказать, что перед встречей с родником, как и во всех занятиях, начинаниях, упражнениях, вы заранее должны настроить себя на положительный результат.

То же самое относится и к встречам с людьми. При этом нужно избегать болтовни. Всячески уклоняться от споров. Болтовня и споры иссушают душу, обесточивают.

32

Сядьте в «позу кучера», закройте глаза. Прислушайтесь к звукам вокруг. Абсолютной тишины никогда не бывает.

Звуки дома, звуки улицы, звуки природы... Рано или поздно вы ощутите, что находитесь в Потоке.

И в самом деле, все вокруг нас движется, течет. Как время. Ощутите себя в этом реальном потоке космических лучей, кружащихся планет, бесконечных изменений человеческой истории, трансформаций собственного тела.

«Все течет, все меняется, — сказал философ. — Нельзя дважды войти в одну и ту же реку».

Ощущение этого Потока, этой реальности драгоценно. Иначе мир загнивает, затягивает нас в свою кажущуюся неизменность.

...Теперь несколько слов о вибрационном лечении. Предположим, перед вами, кряхтя от боли, предстал больной, сломленный радикулитом. Поставьте его спиной к себе или положите на диван вверх спиной.

Того, что течет из ваших пальцев, для борьбы с такой напастью может оказаться недостаточно. Оказалось, что в данном и некоторых других случаях незаменимо вибрационное воздействие. То есть ваши руки должны

с максимальной быстротой вибрировать над самым болезненным местом поясницы, посылая туда то, что исходит из ваших пальцев. Что при этом происходит с позвоночными дисками, с кончиками нервов, я не очень себе представляю. Но эффект, как правило, бывает колоссальный.

ИЗ ОТЗЫВА

«Болею пояснично-крестцовым радикулитом в течение 14 лет. Многократно лечился по поводу обострения с временным эффектом. Несмотря на лечение (токи Бернара, подводная гимнастика, массаж, лекарства), боли оставались. Практически не мог работать. После трех сеансов, проведенных В.Л. Файнбергом, почувствовал огромное облегчение. Огромное спасибо за бескорыстную помощь.»

*Кротовский Георгий Сергеевич,
доктор медицинских наук, руководитель отдела
сосудов I-го Московского медицинского института»*

Точно так же нужно действовать, дробя камни в почке пациента. Обычно они вымываются на следующее утро. Необходимо проверить результат рентгеном.

33

Новые упражнения

1. При медитации с «третьим глазом» последовательно постарайтесь увидеть в закрытых глазах: белый шар, синий, коричневый, желтый, зеленый. Постарайтесь удержать каждый из них в своем уме хотя бы минутку-другую.

2. Сидя или лежа, сконцентрируйтесь на качестве, которого вам не хватает. Представьте себе, что оно у вас уже ЕСТЬ. Затем живите, все время держа в сознании образ себя, обладающего этим качеством.

Один актер как-то рассказывал мне, что таким образом он «заставил» себя сильно похорошеть.

...У йогов есть разновидность глубокого дыхания, называемого ими СО-ХАМ. Этим двум слогам, произнесенным вслух, придается особое, магическое значение.

Перед самым вдохом почти беззвучно произнесите СО, воздух с праной медленно и плавно (на счет 7) наполняет легкие. Потом через паузу вы так же медленно и плавно выдыхаете из себя всю нечистоту, произнося ХАМ.

Между прочим, вам было бы небесполезно ознакомиться с каким-нибудь толковым пособием по китайской акупунктуре. Там в частности есть сведения о двух

знаменитых точках Хе–Гу , находящихся на тыльной стороне ладоней между большим и указательным пальцем. Эти точки довольно легко нащупываются как более чувствительное, болезненное место.

Так вот. Если на него сильно нажать пальцем и массировать им ПО ЧАСОВОЙ СТРЕЛКЕ, тяжело больной приходит в сознание, к нему возвращаются силы.

34

Вот сразу несколько очень приятных, легких упражнений, которые, надеюсь, вы периодически будете делать с удовольствием.

1. Сидя или лежа, сосредоточьтесь на вкусовых ощущениях. Последовательно представьте себе и постарайтесь прочувствовать вкус лимона, меда, соли.

2. Отключитесь от суеты будней. Представьте себе летнее утро, пляж, море. Вдалеке видны яхты, чайки. Вы окунаетесь в ласковую, прохладную воду, плывете. Говорят, некоторые люди, которые долго занимались этим упражнением, ухитрялись, не выходя из дома, ощутимо загореть.

3. Поставьте перед собой цветную репродукцию пейзажа, который вам нравится. Пусть это будет лес, дорога в горах. Или то же море. Неотрывно смотрите, обращая внимание на все детали. И постепенно войдите внутрь его. Прогуляйтесь там.

У писателя Александра Грина есть чудесный рассказ «Акварель» на эту тему.

35

Полагаю, что вы привыкли к тому, что я раз за разом сообщал вам удивительные вещи, вел по ступенькам упражнений к открытию самих себя.

Книга кончается. Вскоре вам предстоит остаться в одиночестве. Вот тут-то и наступает самое главное. Или вы станете продвигаться дальше, или наступит регресс.

То заболете болезнью «завтра» — будете уговаривать себя, мол, сегодня нет условий для ежедневного тренинга, нет времени. То начнете кружить по разным лекциям, кружкам, курсам. И пошло-поехало! Что бы ни делать, лишь бы не работать над собой.

Есть такая восточная притча. Целыми днями осел ходил вокруг колодца, вытягивая на веревке ведро с водой. За свою жизнь прошел, может быть, 1000 километров. И по сути дела не сдвинулся с места...

Лень всегда найдет себе оправдание. А нужно во что бы то ни стало идти вперед. Не становиться вечно на тот или иной путь. А самому стать Путем.

...Когда вы медитируете, регистрируя пронсящиеся в вашем сознании мысли, потом на досуге озадачьтесь вопросом: «А КТО это наблюдает за моими мыслями?»

Тут вы подходите к великой тайне, скрытой в каждом из нас. Оказывается, кроме ума есть кое-что еще.

36

Быть может, вы уже убедились в несколько загадочной закономерности: когда на что-то серьезное настроишься, идешь по пути к высокой цели, все как бы случайно начинает приходить к тебе — необходимые книги, люди, знания.

При этом не нужно торопить события, попусту волноваться. «Когда ученик готов, появляется учитель».

При этом необходимо осознать золотую истину: чтобы достигнуть могущества, нужно от него отказаться. Вдумайтесь. И поймите, какая сила содержится в этом утверждении. Остается применить его в жизни.

Едва вы начали упражняться, ваши близкие, знакомые с ревностью, нарастающим раздражением отнеслись к этим «чудачествам». Еще бы! Они стоят на месте, не постигают ничего нового, сокровенного...

Поэтому не нужно поддаваться на споры, не нужно с ними откровенничать, давать повод для очередных упреков и насмешек.

И еще — бойтесь нытиков! Бегите от них. Нытик распространяет заразу безнадежности, скуки.

Мир вообще гипнотизирует человека обыденностью. Как змея. А потом проглатывает без остатка. А ты ничего не успел, не реализовал себя, не продвинулся туда, где

Вечность. Недаром Христос повторяет много раз: «Ищите Царства Небесного».

Спустимся с неба на землю. Вот вам еще одно средство от усталости.

Предположим, вы физически устали. А вам срочно нужно куда-то идти, ехать. Представьте себе обыкновенную вешалку для одежды. Представьте, что она у вас продета сквозь плечи, что вы на ней висите. А крючок находится над затылком посередине.

И вот вы выходите на улицу, к метро. Подвешенный на эту воображаемую вешалку. Усталость как рукой снимет.

Если будете так поступать регулярно, изменится и осанка.

37

Однажды меня посетил настоятель одного из крупнейших московских храмов, бабник и пьяница.

Я знал об этом, и он был мне отвратителен. Но человек страдал от высокого давления. Он взмолился, чтобы я помог ему.

Я помог.

И тогда, прежде чем уйти, он решил осведомиться, не есть ли то, чем я занимаюсь, колдовство, магия?

В свое время тот же вопрос я задал физику-теоретику, руководителю лаборатории, где я занимался. Я получил такой ответ: «Если вы что-то делаете без любви, с корыстью, то это есть черная магия».

Кстати, о священниках. Сохранился снятый в 2001 году на любительскую кинокамеру фильм о том, как происходила презентация моей книги «Навстречу Нике». Рядом со мной сидел отец Георгий Чистяков, который меня любил. И я его тоже.

И вот недавно я впервые за эти годы смотрю этот фильм и слышу, как, отвечая на чей-то вопрос, говорю, что безответственно браться за целительство при онкологических заболеваниях. «Например, при опухоли мозга».

Проходят годы. И отец Георгий умирает во цвете лет именно от опухоли мозга!

Что это было? Интуитивно поставленный диагноз?
Случайное совпадение?

Не знаю...

Вообще, в этих делах есть много загадочного, еще непонятного.

Вот, к примеру, простая на первый взгляд вещь: носовое кровотечение. Чаще всего от него страдают дети.

Оказалось, если с человеком случилась такая напасть и у него висит на цепочке крестик, то достаточно перебросить этот крестик с груди на спину — носовое кровотечение тотчас останавливается. Можете проверить при случае.

Всем известно, что природа целительна. Особенно деревья. Но не всякому человеку хорошо в сосновом лесу. Или, наоборот, в лиственном, осиновом, например.

По астрологическим воззрениям, у каждого человека есть свое дерево. Мне сообщили, что мое дерево — каштан. Якобы если прислониться спиной к стволу каштана, он мне поможет.

Как-то у меня разыгралась жестокая мигрень. Ломило висок, подташнивало.

Самого себя лечить не умею. Решил обратиться за помощью к каштану. Однако попробуй найди его в Москве! Нашел. На Ленинском проспекте.

Прислонился спиной к стволу. Через 2–3 минуты мигрень исчезла. Как рукой сняло.

38

Конечно, вы все знаете поговорку «Утро вечера мудренее». Действительно, опыт каждого человека подтверждает: если какая-то проблема никак не решается за день, лучше по возможности отложить эту историю до утра. Говорят, наше подсознание во время сна само справляется с этой работой.

Но что есть подсознание? Почему Менделеев увидел свою таблицу во время сна? Почему Моцарт говорил, что он не сочиняет свои произведения, а сразу слышит их в готовом виде? И трудность состоит только в том, чтобы развернуть их от начала к концу и записать.

Очень часто вместо того, чтобы попытаться проникнуть в суть дела, заслоняются каким-нибудь якобы все объясняющим словом.

Например, инстинкт. Что это такое? Почему новорожденные пчелы уже знают, как и какую температуру поддерживать в своем жилище-улье, подчиняться довольно сложной иерархии? То же самое муравьи. Откуда бобр знает, как строить плотину?

Возможно, эти и подобные им вопросы на первый взгляд кому-то покажутся детскими. Но вот академик Вернадский в своих научных трудах доказывает, что вокруг нашей планеты существует некий мир идей — хранили-

ще опыта всех живших на Земле существ. Он назвал это хранилище ноосферой.

Казалось бы, К.Э. Циолковский был всего лишь провинциальным чудаком, когда в Калуге во время после-революционной разрухи вдруг занялся сказочной проблемой переселения человечества на другие планеты. И в результате заложил основы космического ракетостроения. Что им тогда руководило? Какой «инстинкт»?

Пока человечество задает себе «детские» вопросы, еще не все потеряно.

39

Одно время жил в Советском Союзе всемирно известный итальянский физик-теоретик Бруно Понтекорво. Он читал лекции в подмосковном городе Дубне. Однажды Б. Понтекорво возвращался в Москву вместе с одним из своих студентов. Ехали на электричке, которую население так и называло — «Бруно Понтекорво».

Ехали они, ехали, и вдруг студент откровенно признается прославленному физику, что он почти ничего не понял из его лекции.

— Если бы вы сказали, что все поняли, — ответил академик, — я бы не стал с вами заниматься...

В человеке особенно ценен самостоятельный, пытливый ум, стремление самому разобраться, дойти до истины.

При этом у некоторых людей есть и такая способность — чувствовать чужую боль, как свою. И не только в моральном смысле.

С детства, когда при мне делают кому-то укол, я чуть ли не в обморок падаю. То же самое, когда при мне рассказывают о жертвах катастроф, о хирургической операции... Нельзя черстветь, замыкаться на себе.

Убежден, способность чувствовать чужую боль, как свою, сродни «обычным» способностям видеть, слышать,

говорить. К примеру, я говорю с вами, то есть мой язык, мои губы определенным образом колеблют воздух, и из этих колебаний, достигших вашей барабанной перепонки, слагаются звуки, достигающие вашего мозга. Там они превращаются в слова, в мысль, которую я хочу вам передать. Разве это не чудо?

Мы просто привыкаем к чуду, становясь бездумными автоматами.

Вообще говоря, мир, в котором мы существуем, гораздо сложнее, чем кажется.

В книге одного американца я нашел сравнение разных планов бытия с одновременным наличием множества телеканалов. Мы вольны подключаться к одному, другому, третьему... При этом, напоминаю, все они существуют в пространстве одновременно.

Большинство людей подключено к одному каналу, одному плану бытия. Но есть и такие, кто в силу тех или иных обстоятельств стихийно попал на другой. Их записывают в сумасшедшие, их участь, страшно сказать, психушка. Так было с Ван Гогом, Врубелем...

Когда человек искренне, от всего сердца молится Богу, он подключается к самому главному плану.

40

Думая о том, как написать эту книгу о прорыве за будничные границы сознания, я пришел к выводу, что лучшим решением будет доверительный разговор с читателем, максимально искренний и доходчивый. Без мистических завываний.

Вообще-то говоря, я никоим образом не собирался писать ничего подобного. В том, что эта книга написана и теперь попала в ваши руки, есть сцепление нескольких удивительных на первый взгляд обстоятельств, о которых здесь не место распространяться. Так или иначе, все, что происходит, происходит вовремя.

Много лет назад шел вечером по Москве, думая о том, идти ли мне заниматься в какую-то таинственную лабораторию, увидел у входа в один из театров красочную афишу, гласящую о том, что сегодня в нем состоится творческая встреча с Вольфом Мессингом — легендарным, загадочным человеком, обладающим невероятными способностями.

Я купил билет и вошел в переполненный зал.

Мессинг — пожилой человек, говорящий по-русски с сильным иностранным акцентом, демонстрировал «психологические опыты», в частности — чтение мыслей на расстоянии. Он предлагал зрителям принять учас-

тие в этих экспериментах, чтобы никто не заподозрил обмана.

Моему тогдашнему житейскому опыту происходящее в зале показалось настолько невероятным, что я решил разоблачить «фокусника» и вызвался участвовать в очередном эксперименте.

Мало того, что Мессинг абсолютно точно «прочитал» мои мысли, он сказал, цепко держа меня за кисть руки своей дрожащей от напряжения рукой: «Вы, молодой человек, пытались меня сбить, запутать. У вас есть способности. Вам нужно развиваться. Развиваться!»

Так неожиданно я получил его «благословение» и пошел заниматься в лабораторию.

С тех пор прошло много лет. Теперь вся моя жизнь и силы уходят на писательский труд.

Надеюсь, читать эту книгу вам было, как минимум, интересно.

КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

К.Э. Циолковский. «Грезы о земле и небе».

А.Л. Чижевский. «Земное эхо солнечных бурь».

А. Мень. «Истоки религии».

В.Л. Файнберг. «Здесь и теперь», «Скрижали», «Навстречу Нике».

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ О. АЛЕКСАНДРЕ МЕНЕ

**Дорогой отец Александр,
Александр Владимирович,
Саша!**

Того, что случилось 9 сентября 1990 года, не вмещает моя душа. Никакие доводы рассудка, даже могила в углу церковного дворика — ничто не может заставить привыкнуть к тому, что вас больше нет. И никогда не будет с нами.

Не подойду на исповеди к вам, не услышу радостный, приглушенный голос:

— Дорогой мой, как я рад, что приехали! Вот между нами — Христос. Скажите, что мучает, что у вас на душе?

И теплая рука не ляжет на плечи, отцовски не прижмет к себе.

...Не раздастся в дверь веселый тройной звонок, не войдете в квартиру, шумный, большой. Не обнимемся, не расцелуемся. Будни не превратятся в праздники.

Разум твердит — ничего этого не будет. Весь опыт человечества свидетельствует о том же.

Но не смиряется душа. Не могу думать, говорить, писать — «был».

Вы для меня есть. Живой. Каждый час, каждую минуту. На все времена.

Случившееся застало в разгар работы над новым романом, о замысле которого я вам успел рассказать, успел

прочеть первые черновые страницы. Как всегда, вы торопили: «Пишите скорей, пока есть время и силы, пока есть надежда опубликовать, кто знает, что впереди...»

Я работал чуть ли не сутками, напряженно. Все время видел перед собой ваши лучистые глаза. Эта работа стала спасательным плотом в море отчаяния, когда я узнал о трагедии.

И вот роман закончен. Нет теперь этого плота... Знающие о том, что вы одарили меня своей дружбой, звонят, приходят, просят: напишите воспоминания об отце Александре Мене.

Но как писать воспоминания о том, кто для тебя жив? Это означало бы признать факт вашей гибели.

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! Неделя идет за неделей, месяц за месяцем, и я все чаще ловлю себя на том, что снова и снова с горькой усладой проживаю то время, когда...

1

...Падает снег.

Декабрь 1977 года. Сумрачное, студеное утро. Мороз. Я хожу взад-вперед у ограды церковного храма в Новой Деревне. Калитка заперта. Церковь закрыта, службы сегодня нет. В домике при храме не светится ни одно окошко.

Мне назначено на восемь. Уже скоро девять, а священник все не идет. Может, забыл, что сам передал через Олю, чтобы я приехал именно сегодня, именно к восьми утра?

Зачем же в таком случае я здесь замерзаю? Говорят, он молод, этот Александр Мень. Говорят, встречаться с ним небезопасно...

Но куда деваться, если ни у людей, которых я знаю, ни в книгах, которые мне доступны, я не могу найти ответы на мучающие уже несколько лет вопросы? Недавно, будучи в одном доме, знакомлюсь со студенткой первого курса факультета психологии МГУ. Зовут ее Оля. Она верующая. Рассказывает, что ее бабушка — замечательный человек, кладезь знаний.

Я далек от религии. Бабушка так бабушка, я как голодный, жаждущий хлеба познаний. Обстоятельства таковы, что прежнее мое мировоззрение рухнуло, новое не

складывается. Никогда не думал, что это может быть так мучительно. Прошу Олю поговорить со священником, может, у него найдется время встретиться.

И вот эта встреча назначена. А его все нет и нет.

Оля говорила, что Александр Мень красивый, величественный.

Каков бы он ни был, он необязателен. Я уже окоченел. Жду полтора часа. Почему же я не уйду? Давно пора автобусом на станцию и в электричку, уже возвратился бы в Москву, домой.

...Падает снег. И вдруг за его пеленой возникает прохожий. Одет не по погоде. Шляпа. Пальто. Бежит. Ко мне.

Батюшка, в тот момент вы не показались ни красивым, ни тем более величественным. Я увидел перед собой тоже замерзшего, как цуцик, человека.

— Извините, ради Бога! Что-то случилось на линии. Не было тока. Час просидел в электричке. Я ведь из Семхоза, из-под Загорска.

Открывается калитка, поднимаемся на крыльцо домика, отпирается одна дверь, другая.

— Садитесь. Согревайтесь. Я сейчас.

Тесный кабинетик. Тепло. Полки, втугую уставленные книгами. Иконы. Письменный стол, два кресла. Оставшись один, озираюсь, привыкаю. Появляетесь вы, в черной рясе, с большим серебряным крестом на груди. И только теперь вижу — красивый, величественный. В руках две большие чашки с крепким дымящимся чаем.

Сидим друг против друга. Ваши внимательные, веселые глаза излучают открытость.

И все же трудно, очень трудно начать говорить. Я боюсь, что все мои вопросы будут вам непонятны, странны.

В самом деле, с тех пор, как я начал заниматься в полуподпольной лаборатории парапсихологии, регулярно читать литературу — книги, ксерокопии, рукописи по поразительным проблемам, о существовании которых раньше и не подозревал, с тех пор, как я начал лечить людей и, к собственному изумлению, действительно вылечивать их, с тех пор в мою жизнь вторглось новое измерение, нарушающее прежние привычные ориентиры.

Оказалось, что вокруг меня множество людей, некоторые из них с высокими научными степенями, занимающихся изучением неопознанных летающих объектов, поисками снежного человека, исследованием таинственных свойств пирамид... Многие пропагандируют «Агни-йогу» Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов, где утверждается, что в Гималаях таятся чуть ли не бессмертные мудрецы Шамбалы, влияющие на движение мировых процессов, а при желании и на любого жителя земли.

И тут вы впервые перебиваете мой сумбурный монолог:

— Если эти мудрецы существуют: пусть уходят на пенсию! Только за наш век две мировые войны, крова-

вая революция, террор, которому нет конца. И ядерный дамоклов меч!

Вы поднимаетесь с кресла, обводите задумчивым взглядом полки, берете одну книгу, другую, подносите их мне и так доверчиво, так просто произносите слова, ключом отмыкающие дверь в мое будущее:

— Поверьте, никакого чуда в том, что вам удастся целить, нет. Такая способность присуща каждому, как слух, зрение. Все это дремлет в человеке в свернутом, зачаточном виде. Русская православная церковь относится к целительству отрицательно. Вы еще с этим столкнетесь. Современная церковь ревнует к целителям, потому что утратила этот дар. А ведь когда-то, в первые века христианства, свой целитель был при каждом храме...

В моих руках том Владимира Соловьева и книга некоего Светлова «Истоки религии». Я, конечно, не знаю еще, что Э. Светлов — один из ваших псевдонимов.

Вы провожаете меня. Оказывается, в соседней комнате, в коридорчике, уже сидят, стоят люди, целая очередь жаждущих встретиться с отцом Александром Менем. У них свои вопросы, своя тревога, боль и надежда.

2

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! По своей вечной беспечности я никогда не записываю то-

го, что вы говорите. За двенадцать лет нашего общения набралась бы еще одна, ваша книга. Не записываю, не включаю магнитофон. Ваше присутствие кажется таким естественным, вечным. Не снимать же на пленку каждый раз восход солнца!

Если бы люди, которые находились рядом с Христом, с апостолами, были грамотными, вели бы они записи? Навряд ли. Присутствие чуда захватывает, думаешь — ему не будет конца...

Помню лишь то, что помню.

Зимнее утро. Еще темно. Выходишь из метро к пригородным кассам Ярославского вокзала, покупаешь билет на электричку и каждый раз видишь знакомые лица. Замерзшие, молодые, счастливые. Эти люди тоже едут в Пушкино, в храм Новой Деревни.

Электричка шпарит мимо заснеженных московских окраин, заводов, заборов, дач. Медленно, как бы спросонья, светает. Я везу очередную стопку прочитанных книг, которыми вы «окармливаете» меня. Книги разные — богословские, научные, философские. Снимая одни вопросы, они пробуждают еще больше других. Во мне идет огромная работа. Вы никуда не подталкиваете меня, предоставляете полную духовную свободу.

Автор девяти изданных книг стихов и прозы, я давно уже не могу писать по-прежнему. Мыслить по-прежнему. Хотя все, что я писал раньше, было искренним, но прежнее понимание мира, людей, событий

видится теперь ущербным: в нем не хватает главного, основного.

Чего?

За эту зиму я приезжаю к вам много раз. И все жду, когда вы прямо скажете: «Надо креститься. Только христианство дает единственно верную точку отсчета, единственно верный путь». Об этом кричат все ваши сочинения!

Но вы почему-то этого не говорите и продолжаете «окармливать» книгами.

...Вот и Пушкино. У остановки автобуса № 24 собираются все те же парни и девушки. Они разные, но это одна семья. В подошедший автобус подсаживаются местные старушки и старики. Члены той же семьи. Знают друг друга. Здороваются, улыбаются. Едут в храм как на праздник.

Автобус минует невзрачные кварталы городка, у перекрестка сворачивает влево к старому Ярославскому шоссе, к Новой Деревне. Чистый снег оттеняет зелень сосен. Встающее солнце освещает купол скромного деревянного храма в проулке.

Сняв кепку, поднимаюсь на паперть. Слева и справа сидят нищие — худой старик с соплей на носу и тетка с толстыми щечками, хитрыми глазками пропойцы. Оба они противны, как всякие паразиты. Я как бы не замечаю их нагло протянутых рук, прохожу мимо.

Служба уже идет. Трогательно поют старушки на клиросе, у правого придела очередь. Вы стоите там под

большой иконой Св. Троицы, накрываете епитрахилью склоненную голову.

Хотя я здесь не впервые, многое мне невнятно, но в этот раз я, чужой, некрещеный, осознаю то, чего никогда нигде до сих пор не испытывал: здесь мой дом, здесь хорошо, по себе. И в то же время я боюсь того, что называют «обрядоверием»: когда фанатически поклоняются внешнему, форме.

К концу богослужения, когда все вслед за вами поют «Отче наш», обращаю внимание на светящееся лицо хрупкой пожилой женщины, стоящей на левом клиросе. Из глаз ее изливается зримый поток любви. Как луч солнца, он освещает каждого, вызывая ответное чувство.

— Кто это? — спрашиваю я, когда прихожане расходятся после целования креста и проповеди.

— Это моя мама. Елена Семеновна. Знакомьтесь. Хочу вас попросить, если можно, попробуйте ей помочь — у нее больная печень.

Вы доверяете мне своего самого близкого, самого любимого человека.

Может быть, именно поэтому, потом, когда мы остаемся наедине в кабинетике, я осмеливаюсь:

— Отец Александр, батюшка, крестите меня. Я, кажется, созрел.

— Это в вас говорит пионерский энтузиазм, — отвечаете вы. — Давно читали Евангелие?

— В свое время всю Библию одолел, — говорю я, несколько обидевшись, — в Коктебеле целую зиму читал, заставила Мария Степановна Волошина.

— К Ветхому Завету нужен ключ. А вот Евангелие... Есть Евангелие? Спокойно, не торопясь, прочтите заново. Когда вы на самом деле дозреете, я это почувствую, сам назначу время крещения. Договорились?

Чувствую, что вы, может быть, и правы. Но мне обидно. И я спрашиваю вас о неприятных нищих на паперти: с какой стати нужно подавать милостыню им, явным тунеядцам?

— Солнце одинаково светит всем, — отвечаете вы, — как и милость Господня. С чего это вы взялись судить этих несчастных? Кто знает, что довело их до такого состояния...

3

Всю зиму, весь 78-й год, как бы ни был занят, я держу связь с Еленой Семеновной, бываю у нее дома. Часто и всегда неожиданно мы встречаемся в этой маленькой квартирке с вами, когда вы навещаете свою маму, привозите продукты, лекарства.

Вы знаете о том, что у Елены Семеновны катастрофически разрушена печень. Я могу лишь снимать боли и страшный зуд.

Конечно же, она много рассказывает мне о вас, вашем детстве, о «катакомбной» церкви, о вашей тете, дает прочесть тетрадь с ее воспоминаниями. Однажды дарит синенькую книжечку, изданную в Варшаве, — Молитвослов, по которому выучил молитвы и который я благоговейно храню, как реликвию.

Вот пишу сейчас, и, как живая, встает передо мной ваша мама, ее лицо изумительной библейской красоты, словно запечатлевшее своими чертами времена Авраама, Исаака и Иакова. Ни возраст, ни болезнь не властны над ней, когда она видит вас, когда мы о вас говорим. Она вся светится божественной материнской любовью. Один раз она проговаривается: «Ему тяжело. Очень тяжело. Володя, когда умру — не оставляйте его. Заклинаю вас Богом».

А ведь Елена Семеновна не знает и десятой доли того, в какой обстановке происходит ваше служение. С чердака соседнего дома агенты КГБ снимают на пленку каждого входящего в храм, настоятель, ревнивый и завистливый, приставлен следить за каждым вашим шагом, за каждой проповедью. Есть осведомители и среди прихожан.

Но это еще не все.

Однажды, когда весенним вечером мы вместе выходим от Елены Семеновны, я спрашиваю:

— Александр Владимирович, а вам известно, что некоторые диссиденты считают вас глубоко законспири-

рованным генералом КГБ? Будто вы нарочно группируете вокруг себя молодежь, московскую интеллигенцию, выслушиваете исповеди и доносите.

— Вот этого я еще не знал! — хохочете вы, как ребенок. — Зато уже слышал, что я — законспирированный агент сионизма. Другие утверждают, что Мень — тайный католик, борется против православия. А в органах считают, что я агент ЦРУ, диссидент. Теперь вот, оказывается, я — генерал КГБ, никак не меньше!

— Ну, если вы генерал, то я полковник.

— Почему?

Рассказываю о том, как в свое время в Сухуми часто встречал в троллейбусе незнакомого человека, который всегда приветствовал меня восклицанием: «Салют, полковник!» Когда я поинтересовался, отчего именно полковник, тот сообщил, что каждый сразу рождается в воинском звании. «Вот вы, хоть и хромой, невоенно-обязанный, типичный полковник! И хоть из кожи вон лезьте — никогда не станете генералом!»

Александр Владимирович, вы смеетесь, говорите, что более оригинальной точки зрения на человека еще не встречали. А я впервые с тревогой думаю о вас, вашей судьбе: «Воистину вы один стоите на семи ветрах. Что вас ждет? Трагическая судьба апостолов Христа?»

С того времени тревога не отпускает никогда. А вы с тех же пор шутливо стали называть меня «Полковник».

4

Все это время я читаю и перечитываю Евангелие, другие богословские книги. У меня ни на йоту нет сомнения в правильности сделанного выбора. Но как трудно практически, ежедневно следовать заповедям Христа! Дома у меня отчаянная обстановка. Беспомощные родители-пенсионеры, плохо с сыном. Давно перестали печатать, хроническое безденежье. Я разрываюсь между своими близкими, бытом, потоком больных, которых принимаю каждое утро*.

Как-то летом стою в магазине, в хвосте очереди. Какой-то верзила лезет за колбасой к прилавку, отталкивая безропотных старушек. Я прошу его встать в очередь. «А тебе, жид, что, больше всех нужно?!» — оборачивается он ко мне.

В ответ на оскорбление моя правая рука автоматически сжимается в кулак — рефлекс, воспитанный годами унижений. Еще секунда — вспыхнет драка.

И тут, отец Александр, я вспоминаю вас, Евангелие, заповеди Христа. Как трудно дается каждое слово! Будто учусь говорить на новом, невероятном языке:

* Автор этих воспоминаний оказывает помощь больным людям совершенно бескорыстно. — *Ред.*

— Как тебя кличут? — спрашиваю верзилу. — Я за тебя буду Бога молить.

Его кулаки опускаются тоже. Так и не купив колбасу, верзила выходит.

Очередь с недоумением смотрит на меня. А я весь горю от неведомого жара.

И вдруг парень появляется снова. Подходит. Жалкий, убитый.

— Браток, прости меня. Слышь, прости...

Вот так я учусь, постигаю новые нормы отношения к людям, к миру.

Именно в это время ко мне фантастическим, неисповедимым путем, как бы сама собой, попадает закопченная от пожара икона Христа. На открытой книге, которую Он держит в руках, выведено: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные».

Поразительно, что, ничего не зная об этих событиях, при очередной встрече вы внезапно говорите:

— У нас двенадцатого июля большой праздник — день апостолов Петра и Павла. Готовьтесь. Приезжайте. После службы я вас крещу.

Наступает канун праздника. Поздно вечером завожу будильник, ставлю стрелку звонка на шесть утра, чтобы, не дай Бог, не проспять, снова повторяю молитвы, «Символ веры», еще раз удрученно перебираю события грешной своей жизни.

И вот тут началось.

«Да что же ты делаешь?! — думаю я, который столько месяцев ждал этого дня крещения. — Носить крестик, лобызать иконы, ставить свечки со старушками, говеть... Как мог прийти до жизни такой: по доброй воле отдавать себя в объятия церкви, поддакивающей государству во всем... Отец Александр Мень — просто исключение. А я, как всякий человек, не вписавшийся в систему, ищу утешения, способ забытья. Еще вопрос — есть ли эта вечная жизнь, Царствие Небесное?»

Эти мысли будто жерновами размалывают в прах все, к чему я пришел за последние месяцы, все плоды духовной работы.

В конце концов ложусь спать во втором часу ночи, приняв окончательное решение — не ехать в Новую Деревню. Но не могу заснуть. Лишь закрываю глаза, в них мелькание черных и белых полос, пятен. Морок, головокружение.

Встаю. Включаю свет. Мелькание полос уже в открытых глазах продолжается. Ничего подобного ни до, ни после со мной никогда не было.

Взгляд падает на стену, на образ Спасителя. «Господи, Иисусе Христе, спаси меня!» — с отчаянием обращаюсь я к Богу, поднимаю правую руку, неумело осеняю себя крестным знамением. И тотчас наваждение пропадает. Как отсеченное. Четыре утра. Ложусь спать.

Через два часа звонок будильника поднимает с постели. Свежее летнее утро. Быстро встаю, собираюсь. Выспавшийся, твердый, счастливый тем, что предстоит.

В своем кабинетике после службы вы крестите меня во Христа.

Исповедав, отпускаете грехи всей предыдущей жизни. Говорите, что теперь я чист, как новорожденный. Надеваете кипарисовый крест на цепочке.

Охватывает ощущение огромной ответственности.

Я рассказываю о том, что произошло накануне вечером.

— Дорогой мой, простите! Я не предупредил вас. Такое бывает. Часто бывает. Это — типичное нападение темных духовных созданий, дьявольских сил. Как хорошо, что вы обратились за помощью к Господу! Знаете, бывали случаи, когда человек, едущий креститься, внезапно засыпал в вагоне и проскакивал Пушкино, бывало, садился не в ту электричку, оказывался в Болшево или где-то в другом месте. Бывало всякое!

Вы горячо обнимаете меня, дарите переплетенную ксерокопию вашей книги «Вестники Царства Божия». Надписываете:

«Чтобы память об этом дне не гасла никогда. А. 78.12. VII».

5

Приобщение к жизни церкви, к церковному календарю словно подключает к вечности. Святые и мученики

христианства становятся такими же близкими и родными людьми, как и те, кто окружает тебя в храме.

Постепенно слитная масса молящихся открывается собранием ярчайших индивидуальностей, действительно твоих братьев и сестер. Это только сторонний взгляд мог видеть в них безликую толпу.

Пожилая русская крестьянка из Новой Деревни — Мария Яковлевна. Сколько страданий выпало ей в жизни! Но сколько доброты в улыбке, в глазах. Увидит — непременно поздравит с праздником, поцелует, скажет: «Спаси ты Христос, Володя!»

И сердце отзовется жаром ответной любви и доброты.

А трогательный, слабый голосок Сонечки, издали узнаваемый в хоре! Она всегда на своем месте, как звездочка на небосклоне.

За несколько лет как-то незаметно я начинаю чувствовать себя одним из членов истинно христианской семьи.

Батюшка, как я жалею, что не сохранил ни одной из ваших записок с просьбой помочь тому или иному прихожанину. В конце каждой был рисунок — заяц или белочка... Мало того, что у вас сотни и сотни прихожан, и каждого вы знаете по имени, держите в памяти его жизнь со всеми проблемами, для каждого у вас еще находится аналог в царстве животных или растений. Все серьезное, значительное, что исходит от вас, часто подается в шутливой форме. А сколько в вас самом детского, ребяческого!

Но уже седина начинает побивать усы и бороду... Наступает день, когда мы справляем поминки по Елене Семеновне — вашей маме.

А через несколько месяцев морозным метельным вечером раздастся неожиданный тройной звонок. Открываю дверь.

Замерзший, занесенный метелью, с опухшими подглазьями, стойте вы, мой батюшка! В одной руке тяжелый портфель, в другой — авоська с пакетами молока, бутылками кефира, коробкой яиц, сливочным маслом, апельсинами.

— Так вот где вы живете, Полковник!

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша, так в тот вечер вы входите в мой дом, знакомитесь с моими родителями, сыном. Воочию видите обстановку, о которой знаете до сих пор по моим рассказам.

Мы все сидим за столом на кухне, ужинаем, угощаемся апельсинами. У моих домашних с вами полный контакт, будто знаете друг друга всю жизнь.

— Батюшка, ну зачем вы тащили эту авоську, стояли в очередях? — говорю я, когда мы уединяемся.

— Полковник, сегодня скользко, метель. Вам же трудно ходить по магазинам, — отвечаете вы. — А я все равно был в городе.

Вы опускаетесь в кресло, стоящее напротив моей оранжерейки с тропическими растениями. И... я вижу смертельно усталого человека, которому хочется хоть минуту побыть одному.

Выхожу, плотно закрыв дверь.

— Какой дивный у тебя батюшка, — говорит мать, — неужели все священники такие?

Я прикладываю палец к губам. Через четверть часа дверь открывается.

— Чудные растения, Полковник! Будто побывал в джунглях Амазонки! Ну, побежал, еще успею на электричку 21.40. — И вдруг жарко шепчете в ухо: — Вызывали на допрос.

В ответ на мой растерянный, вопрошающий взгляд уже с лестницы победное, громогласное: — Ничего. Прорвемся!

6

Здесь, в самом центре тоталитарного атеистического государства создан гигантский труд, в котором проследживается история духовных исканий всего человечества. Каждый из шести томов этого труда приводит к неопровержимому выводу: история человечества — это его путь к Богу. Кружной, запутанный, исполненный трагических отступлений, но имеющий постоянный вектор.

Труд этот создан одним человеком.

Вы молча сидите в машине рядом со мной. Едем по Ярославскому шоссе в поселок Семхоз.

Я никогда, ни разу не спросил вас, каким образом удалось переправить в Бельгию и напечатать там эти книги. Знаю, есть темы, о которых до поры не следует говорить. Часто вижу, как вы условными, только вам внятыми закорючками записываете в свои истрепанные записные книжки фамилии, адреса, телефоны. Это чтобы при обыске не навредить людям.

Вам, священнику, на деле ежедневно проповедующему открытость, любовь, ненасилие, приходится вести жизнь конспиратора. Годами, десятилетиями, в любое время суток быть готовым к аресту.

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! Что, кроме молитвы, я могу сделать для вас?!

Какую ненависть в высших кругах церковной иерархии вызывает то, что в ваших жилах течет еврейская кровь! Кровь апостолов, Богородицы, Самого Христа! А еще ненавидят из зависти. Человека, в эпоху гонений на религию привлекающего своей проповедью, своим служением тысячи сердец, в одиночку создавшего труд всемирного значения. Духовные пастыри, к своему позору, ухитряются не печатать вас в изданиях Патриархии. В содружестве с другими «пастырями» из органов безопасности только и ждут момента, чтобы изолировать от людей, уничтожить.

— О чем грустите, Полковник?

— Так. Ни о чем, батюшка.

Веду свой «Запорожец» с ручным управлением, который недавно получил через собес и который вы се-

годня освятили возле церковных ворот. Веду особенно осторожно: рядом драгоценнейшая из человеческих жизней.

— Тормозните. Остановитесь! — просите вы. На крутом взгорке оставляем машину, выходим на обочину.

— Взгляните, какая красота! Вон там, внизу, в долине Радонеж — родина преподобного Сергия! Давно хотел показать вам это место.

Вы с любовью рассказываете о святом подвижнике, удостоившемся явления Богородицы, великом патриоте земли русской.

Внимаю вам и жалею, что вас не видят, не слышат сейчас некоторые начальники русского православия. Вроде бы каждый день призывают других к покаянию. Так пусть же, если когда-нибудь прочтут эти строки, пусть запоздало покаются сами в том, какую судьбу уготовили Александру Меню!

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! Ваши губы шевелятся. Вы стоите на краю шоссе, на обрыве и молитесь:

— О священная главо, преподобне и богоносне отче наш Сергие...

Я вслушиваюсь, робко повторяю за вами:

— Молитвою твоею, и верою и любовью яже к Богу, и чистотою сердца...

А потом мы приезжаем в Семхоз, и я впервые попадаю в ваш дом.

Сегодня здесь буду рассказывать вам о замысле произведения, задуманного в эти последние годы: для этого вы и пригласили меня к себе. Я волнуюсь. Весь опыт моей духовной жизни стал как бы кристаллизироваться, появилось острое ощущение, что я просто обязан довести его до людей.

— Сейчас угощу вас обедом. Сварю супчик, — говорите вы и действительно начинаете готовить обед.

— Батюшка, спасибо. Если из-за меня — я не ем первое. И вообще, не хочу есть. Давайте лучше поговорим,

— Нет, Полковник, нет, Полковник! Куда же делся половник? — напеваете вы, что-то помешивая в кастрюле, ставите на плиту сковородку, наливаете воду в чайник.

Мне кажется, приготовление обеда доставляет вам удовольствие. Да и все, за что вы беретесь, — делаете с удовольствием.

По воззрениям раджа-йогов, положительные или отрицательные вибрации человека переходят в его изделия, будь то приготовленная пища, произведение искусства или, скажем, построенный дом.

Во всяком случае, вы угощаете меня вкуснейшим обедом, потом пьем кофе, и я рассказываю о замысле будущей книги.

Вы сидите, подперев рукой бороду. То хмуритесь, то улыбаетесь. Потом встаете, прохаживаетесь у стола. И вдруг перебиваете меня:

— Пишите немедленно!

— Но я, по-моему, еще не готов. И потом — кто это опубликует?

— А это не должно вас волновать. Все в руках Господа. Ваше дело — написать. Это необходимо. Сколько уже написано?

— Ни строчки.

— Ну, Полковник, вы просто лентяй. Надо торопиться, пока мы живы. Кто знает, что нас ждет... Благословляю! — Вы осеняете меня крестным знаменем: — Пишите свободно, в полную силу. И учтите, как ни занят, буду приезжать, слушать, что вы там наказываете.

7

Так это началось.

Трудно представить, смог бы я написать роман без вашей поддержки. За эти годы у меня умирают родители — сначала мать, потом отец. Арестовывают людей, которых я считал самыми близкими друзьями. И каждый день — больные со всех городов и весей.

Из-за отчаянных трудностей работа над романом растянулась на семь лет. Все это время вы рядом. Раз или два в месяц, в зной ли, в стужу, приезжаете ко мне, и я раскрываю синюю папку, где накапливаются листы рукописного текста. Читаю вслух. Вы то попиваете чай,

то поднимаетесь, ходите взад-вперед по комнате, то ставите пометки-закорючки на листке бумаги.

Не помню ни одного случая, чтобы вы сделали замечания по тексту, по композиции вещи. Зато когда чувствуете, что я где-то недостаточно четок мировоззренчески, робею в каких-то выводах, которые кажутся мне слишком ошеломляющими для читателя, вы произносите целую лекцию. Воистину вдохновляя.

Потом отвожу вас на Ярославский вокзал.

— Храни вас Господь! — вы крестите меня, выходите из машины, не оглядываясь шагаете к электричке. Широкоплечая фигура в шляпе, плаще, с неизменным портфелем в руке. Вот уже толпа заслоняет вас...

Однажды летним днем раздается телефонный звонок. Это Лидочка Муранова — прихожанка нашего храма, профессиональный звукооператор, портниха, мастерица на все руки.

— Владимир Львович! У меня отец Александр. Он плохой. Температура, наверное, под сорок! Что-то с позвоночником. Звоню тайно от него, не разрешает вас беспокоить.

Записываю адрес. Мчусь на «Запорожце» в один из арбатских переулков. Вхожу в квартиру, где вы стоите, что-то диктуете на магнитофон, морщась от боли.

Дотрагиваюсь до вашего лба. Действительно пылает. Вместе с Лидой заставляем измерить температуру. Тридцать восемь и девять.

Выясняется, что у вас периодически происходит нагноение врожденной кисты позвоночника. Сейчас — особенно острый случай.

Звоню знакомому хирургу в 71-ю больницу, в Кунцево. Тот говорит, что это дело серьезное, необходимо срочно вскрыть нагноение, произвести небольшую операцию. Обещает встретить нас в приемном покое.

— Александр Владимирович, едем! Немедленно.

— Да что вы, Полковник! Рассосется.

Мы с Лидой насильно собираем вас, сводим к машине. Смотрю, вы уже и сесть-то как следует не можете, привалились боком.

Выезжаю из путаницы арбатских переулков, слышу призывный сигнал черной «Чайки», которая, обогнав нас, приостанавливается у тротуара. В «Чайке» сидит человек в белом одеянии митрополита.

— Это Ювеналий. Тормозните, Полковник!

Через минуту растерянно следую за «Чайкой» в одиночестве. Машина митрополита вместе с вами въезжает в ворота иностранного отдела Патриархии на улице Рылеева.

Жду у кромки тротуара. Жду вот уже десять минут, двадцать минут, полчаса. Ждет в приемном покое хирург.

Наконец вы выходите, идете как-то боком, прихрамывая. Улыбаетесь.

— Простите! Ювеналий, кажется, единственный из иерархов, кто ко мне хорошо относится. Выручает как может...

— А знаете, батюшка, что в вашем состоянии промедление опасно?

— Все в руках Божиих!

Хирург действительно ждет в приемном покое. Поднимаемся лифтом в его кабинет. Оттуда вас уведут на осмотр.

Вскоре вы появляетесь вместе с хирургом.

— В принципе, необходима кардинальная операция, — говорит он, — а сейчас нужно хотя бы вскрыть воспаленный очаг. Под местной анестезией. И учтите, после этого больному придется остаться до утра.

Вы вопросительно, как ребенок, смотрите на меня.

— Может, не надо?

Я соглашаюсь. Это — единственный случай, когда я принимаю решение за вас. И остаюсь один в кабинете.

За то время, пока вы находились в операционной, что я только не передумал. Ведь ваши родные ни о чем не знают... Остается только молиться, чтобы все сошло удачно.

— Полковник! Вы тут совсем заскучали? — Санитары вводят вас, укладывают на диван, бледного, обмотанного бинтами.

Следом входит хирург.

— Я ухожу. Вот ключ от кабинета. Вот лекарства. Утром сделают перевязку — можно будет потихоньку ехать домой. Кстати, вот градусник. Через час-полтора измерьте температуру.

— Сколько сейчас времени? — спрашиваете вы, когда мы остаемся вдвоем.

— Пятый час.

— Прекрасно! Доеду домой засветло.

— Никуда вы не поедете!

— Поеду! Поеду! — напеваете вы, начиная подниматься. — Я прекрасно себя чувствую! Прекрасно!

— Вот сейчас отойдет заморозка — узнаете!

— Полковник, если вы ко мне действительно хорошо относитесь, помогите надеть туфли и пиджак.

— Ни за что! А ну-ка, ложитесь! Учтите, батюшка, дойдет до драки. Я вас никуда не пущу.

— Ладно. Полежу полчаса и поеду. Договорились?

Я решаю не отвечать. Надеюсь, что вас разморит и вы уснете. Подхожу к окну, смотрю на больничный двор, на зелень деревьев.

— По-моему, температура упала. Полковник, не сердитесь. Давайте-ка ее измерим.

Через минуту вы победно протягиваете градусник.

— Тридцать шесть и восемь!

— А вы его стряхнули, прежде чем ставить?

— Конечно!

— Поставим еще раз, — стряхиваю градусник, засовываю вам подмышку. — Александр Владимирович, неплохо обманывать ближнего!

По прошествии пяти минут забираю градусник — тридцать семь и четыре.

— Да разве это температура?! — вы снова поднимаетесь. — Владимир Львович, Володя, ну ради Христа, давайте уедем отсюда! Хочу домой. Дома и стены помогают, серьезно!

Вы обезоруживающе улыбаетесь, просите. И я сдаюсь.

Забрав лекарства, выходим из больницы. Поддерживаю вас, несу ваш тяжелый портфель. И слышу смех. Вы хохочете до слез, хотя даже смеяться вам очень больно.

— В чем дело, батюшка?

— Посмотреть со стороны — два дервиша. Один еле тащится, другой хромает. Хорошенькая пара!

Добредаем до «Запорожца». Сразу начинается новая атака.

— Надеюсь, вы правите на Ярославский вокзал?

— Нет уж, отвезу прямо в Семхоз, домой.

— Ни в коем случае! Поеду на электричке. В машине мне больно, трясет.

— А в электричке, значит, не трясет?

— Не трясет! Электричка давно уже дом родной, рабочий кабинет. Если удастся сесть, я там пишу, читаю. Привык. А сейчас в машине мне больно. Ладно, Володя?

— Ладно, Саша, — впервые тогда вырывается у меня.

На Ярославском вокзале усаживаю вас в электричку. И вы тотчас вынимаете из портфеля авторучку, лист бумаги, подкладываете папку.

8

После того как вы приезжаете ко мне послушать новые страницы романа, я обычно не сразу отвожу вас на вокзал. Часто нам приходится часами колесить по улицам и переулкам Москвы, посещать квартиры, где вы совершаете требы, причащаете больных и умирающих, крестите, венчаете. Я стараюсь помочь вам, как могу.

Душным летним днем вы просите отвезти вас в район Тушино. Долго плутаем в поисках дома для престарелых. Наконец въезжаем в заросший тополями двор.

Вы выходите из машины и говорите:

— Подождите здесь. Там очень страшно.

— Ничего, батюшка. Я с вами.

— Нет. Вы не представляете того, что там делается. Вам не вынести.

Вы идете по тропинке сквозь тополиный пух, открываете обшарпанную дверь.

Оставшись один в машине, думаю о вашем одиночестве. Официально крестить, венчать, совершать таинство Причастия разрешается только в церкви. Каждый раз, выходя навстречу людям, вы рискуете...

Мы же, ваши духовные дети, часто забываем об этом, относимся к вам потребительски, забываем о той обстановке, в которой происходит ваше служение. Многие вас

просто компрометируют. Кто разводится после венчания, кто, едва покаявшись, тотчас ухитряется совершать чудовищные поступки. Сегодня вы рассказали мне о парне, который ударился в диссидентство, а потом написал из следственного изолятора под диктовку клеветническое письмо на вас. Вы рассказали об этом, ничуть не осуждая слабого, неумного человека.

И когда я возмутился, услышал:

— А что вы хотите? Если заметили, в храмах много просто душевнобольных. Имеем тот человеческий материал, какой есть. Христос приходил не к ангелам...

Через час обшарпанная дверь отворяется. Вы идете ко мне какой-то серый, постаревший.

— Извините, Полковник. Я вас задержал.

Молча едем на Ярославский вокзал.

— Что там было, батюшка?

— Одиночество, унижение, безысходность, ужасающая бедность, запах мочи, грязные, рваные простыни. Несчастные старушки! Причем ведь почти у всех благоденствуют дети, внуки. Сдали их государству помирать.

— Что ж это делается? Батюшка, вам приходится выслушивать исповеди сотен людей. Что они о себе думают?

— Ох, Полковник! Кто приходит получать благословение на выдирание зуба, кто злится на тещу, а кто предьявляет претензии к Богу — мол, никак не внимает его молитвам. Все это жертвы, недолюбленные люди, которые

не получили ни крохи любви и поэтому сами не могут никому ее дать. Нужно терпение...

— Александр Владимирович, у вас усталый вид. Не пора ли в отпуск?

— Честно говоря, ехать некуда. Раньше, много лет, ездил в Коктебель, снимал комнату. Там было хорошо. Работал, купался. Последний раз, пока меня не было, нагрянули с обыском, все перевернули... Напугали хозяйку. Могу ли я кого-нибудь подводить?

9

В среду, во второй половине дня, вы должны приехать ко мне. А на столе неоконченная глава, может быть, самая важная в романе.

Встаю рано. Летнее утро. Представляю, как сейчас вы в облачении стоите в потоках льющегося из окон храма солнечного света: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа!»

Притом, что я регулярно, как все прихожане, бываю в Новой Деревне, исповедуюсь, причащаюсь, всегда не хватает этого чувства приобщенности, подключения к высшему.

И все-таки одно сознание того, что в маленьком подмосковном храме сейчас идет служба, идет литургия, у алтаря за Царскими вратами вы взываете к Господу, —

одно это сознание дает уверенность, что ничего плохого — ни со мной, ни с другими людьми, ни с миром — не случится.

Я знаю, есть верующие из других стран — православные и католики Италии, Франции, Бельгии, даже Соединенных Штатов, которые идут на большие затраты, только чтобы приехать и хоть раз поучаствовать всем сердцем в богослужении, идущем в вашем храме.

Помолившись, сажусь за работу в надежде, что успею завершить главу до нашей встречи.

И вдруг телефонный звонок.

— Полковник! Я только что приехал. Звоню, чтобы предупредить: сегодня, наверное, не увидимся.

— В чем дело?! Я думал, вы сейчас служите.

— Какое там! К десяти срочно вызвали в Патриархию. А к двенадцати — в Совет по делам религий.

— Что-то случилось?

— Все то же. Молитесь за меня.

— Минуточку! Александр Владимирович, Сашенька, не вешайте трубку! Я немедленно выезжаю. Я должен быть с вами. Где мы встречаемся?

— Полковник, вам надо писать. Зачем портить рабочее утро?

— Да неужели вы думаете, что теперь я смогу что-то писать?!

— Хорошо. В районе Зубовской. У памятника Толстому. В одиннадцать тридцать.

...Заранее подъезжаю к скверу. Разгорается жаркий, душный день. На скамейках пенсионеры читают газеты, мамы катят коляски с младенцами.

«Господи, сохрани и помилуй батюшку моего, отца Александра, охраняй его от всякой беды, от всякого зла...» Я стою возле памятника, молюсь, как умею.

Последнее время в газетах появились статьи, где Александра Меня чуть ли не впрямую называют агентом ЦРУ. Вы уже не раз получали письма антисемитов, грозящие убийством...

Наконец в конце бульварной аллеи вижу вас. Вы идете навстречу, широко улыбаетесь.

Садимся в машину, трогаемся с места.

— Вызывают на допрос. В Совет по делам религий.

— Почему не в КГБ?

— Наверное, так им удобнее. Так сказать, под религиозной сенью... Вернее — антирелигиозной.

Мы выезжаем на Садовое кольцо, подкатываем к большому особняку.

— Батюшка, буду вас ждать.

— Спасибо. Но я не знаю, сколько это может продлиться.

— Сколько бы ни продлилось.

Палит солнце. Рядом рокочет Садовое кольцо. В запахе гари гонит оно бесконечный поток автомашин. Под чахлыми липами идут прохожие. Почти каждому из них всего через полтора-два года станет известно имя чело-

века, которого сейчас допрашивают в стенах вот этого особняка.

Оттуда отъезжают «Волги» с зашторенными задними стеклами. Может быть, в одной из них вас увозят на Лубянку или в Лефортово...

«Господи, Иисусе Христе, прошу Тебя, сохрани и помилуй батюшку моего Александра!»

Но вот вы появляетесь, улыбаясь. Садитесь в машину.

— Все-таки замечательно, Полковник, что вы тут ждали! Я чувствовал, слышал, как вы молитесь.

— Все, батюшка?

— Какое там! У них, видите ли, обеденный перерыв. До двух часов мы свободны. Поехали к вам слушать новые главы.

— Не успеем. Осталось всего пятьдесят минут. Вам тоже надо подкрепиться.

— Не хочу есть. Выпил бы газировки.

Я привожу вас в Дом литераторов, беру в буфете бутерброды, кофе, «пепси-колу».

— Батюшка, что они от вас хотят?

— Чтобы я больше ничего не публиковал за границей, — вы пьете «пепси» стакан за стаканом. — Интересно, как туда попали мои рукописи. Кстати, сейчас, когда поедем, не останавливайтесь так близко от этого учреждения. Боюсь, они вас уже засекли.

— А я не боюсь. Давно решил не бояться. В конце концов мы с вами ничего плохого не делаем.

Снова подъезжаем к Совету по делам религий. Снова остаюсь один. Час проходит за часом. Вас все нет. Провожая взглядом каждую выезжающую черную «Волгу».

Вот уже и жара начала спадать. Без четверти шесть вы наконец подходите к машине..

— Все, батюшка?

— На сегодня все.

— То есть?!

— Завтра должен явиться опять. К десяти утра. А сейчас поехали слушать новые главы.

— Отец Александр, вы устали, на вас лица нет. Давайте-ка отвезу на вокзал.

— Ни в коем случае! Едем!

Дома завариваю чай, наскоро готовлю бутерброды. Читаю недописанную главу.

— Вы знакомы с философией Анри Бергсона?

— Нет.

— Это удивительно! В сущности, вы пишете о том же, только в художественной форме. Следующий раз непременно захвачу Бергсона. Вам будет необычайно интересно прочесть. Необычайно! Этот философ — один из немногих, кто оказал на меня огромное влияние. Знаете что? Я вам сейчас изложу содержание его основных работ. Вам это нужно, просто необходимо.

— Спасибо! Но вам завтра рано вставать, снова предстоит эта голгофа.

— Ничего. Только сделаю несколько звонков. И все вам расскажу.

Часа через три отвожу вас на вокзал, чтобы встретить следующим утром и снова ехать — туда.

Так проходит несколько дней. Именно за это время у вас заметно прибавилось седины.

10

Сентябрь 1985 года.

Теплым поздним вечером мы прилетаем в незнакомый город, где, подсвеченные прожекторами, высятся под звездами мечети, минареты.

У вас в руках полученные в Москве ключи от пустой квартиры. В центре, у самого Регистана, отыскиваем улицу Комарова.

— Вот мы и в Самарканде! — вы сбрасываете на стул дорожную сумку. — Давайте попьем чаю и пройдемся по ночному городу, вдохнем воздух Азии.

Через полчаса шагаем по вымершим улицам среди спящих деревьев, средневековых мавзолеев.

— Точно так себе все это и представлял! — говорите вы.

Понимая, что вам необходимо срочно отдохнуть, переключиться, я выбил командировку от одной из центральных газет с обязательством написать статью о

проблемах новой застройки Самарканда, Бухары и Хивы. И взял вас с собой.

— Как же вы будете представлять меня в дальнейшем путешествии? Архитекторам, секретарям обкомов? Да и в гостиницах нужно будет писать, кто я такой. Все это не так просто, Полковник. Как бы из-за меня не было неприятностей.

— Батюшка, вы же сами всегда повторяете «все в руках Божиих»! Чтобы не дразнить судьбу, буду говорить, что вы профессор, специалист по истории Востока. Тем более, это тоже правда. Разве вы не специалист?

На рассвете просыпаюсь от воркования горлицы за раскрытым окном. Бросаю взгляд на диван, где вы спите. Лицо у вас хмурое, еще не отошедшее от московских тревог.

Тихо выхожу на улицу, углубляясь в лабиринт глинобитных заборов, и попадаю к базарчику, где торгуют горячими лепешками, свежим солоноватым творогом, виноградом и гранатами.

С переполненной сумкой возвращаюсь. Уже шумит чайник на газовой плите, и вы встречаете меня умытый, с полотенцем через плечо.

— Извините, заспался. Давайте вместе помолимся.

Вы подходите к окну, за которым в синем воздухе над вершинами деревьев встает солнце, осеняете себя крестным знамением. Повторяю за вами слова молитвы. Отныне так мы начинаем каждое утро.

А затем выходим в город, идем смотреть музеи, гробницу Тамерлана, старинные дворцовые комплексы, археологические раскопки. Встречаемся с архитекторами. Вместе со мной вы вникаете в проблемы создания современного благоустроенного жилья. Местный зодчий, молодой узбек, показывает проекты и макеты белых кварталов-махалы, выполненных в народной традиции — у каждой квартиры свой тенистый дворик, своя отгороженная от других большая лоджия.

Он водит нас по Самарканду, открывает заветные уголки, недоступные туристам.

— Полковник, обязательно напишите об этом человеке, нужно помочь через газету, — говорите вы и добавляете: — До чего талантливый народ!

Обедаем мы обычно на базаре или в чайхане около пруда-хауза. Вы привыкаете к зеленому чаю, плову, мантам. Ваш лоб покрывается нежным загаром.

Однажды, возвращаясь домой, мы проходим мимо уличного фотографа, вы вдруг предлагаете:

— Давайте-ка снимемся!

— Не люблю я этого. Стоит ли?

— Стоит, стоит. Мало ли что может случиться. Будет память.

Вы кладете руку мне на плечо. И мы во весь рост остаемся запечатленными на фоне древнего Регистана с его минаретами.

А на следующий день совершаем поездку в еще более древний город Шахрисабз. Автобус долго катит пыльной дорогой среди хлопковых полей. Вот по обочине бредет стадо. Вы хватаете меня за руку.

— Смотрите! Видите у быков светлую полосу вдоль хребта? Это та самая порода, которая была в Ассирии. Поразительно, все это сохранилось, живет до сих пор...

В загаженном Шахрисабзе, осмотрев мечети, развалины мавзолеев, мы уже в темноте подходим к новой, светящейся огнями помпезной гостинице «Интурист». Я предъявляю свое командировочное удостоверение, прошу номер на двоих.

— А это кто с вами? — подозрительно спрашивает администратор.

— Это не он со мной, а я с ним, с известным историком! Александр Владимирович, давайте-ка ваш паспорт.

Очутившись в номере, умываемся.

— На этот раз пронесло, — говорите вы. — Ужасно сознавать свое полное бесправие.

— Ничего, батюшка, началась перестройка. Все изменится.

Спускаемся поужинать в ресторан. На эстраде грохочет оркестр.

Мы сидим за столиком среди беснующейся полупьяной стихии. Здесь, в глубине Азии, местное жулье, разряженное в американские джинсовые костюмы, вертит в

танце измазанных гримом проституток. Дым коромыслом. Мат. Драка.

Перекусив, выходим в скверик возле гостиницы, садимся на лавочку.

— Даже в Крыму и на Кавказе не видел таких звезд! Взгляните! Знаете, часто спрашивают, когда будет Страшный суд? И я отвечаю, что он может начаться через секунду. В любой момент. Надо быть готовым всегда. Это так. Но в глубине души убежден, что христианство только начинается. Для Господа тысяча лет как один день.. Вы видели сейчас этих людей. До них еще и краем не дошла ни проповедь Магомета, ни тем более Христа.

— Откуда же им узнать.. Мечети разрушены. Я уж не говорю о церквах. Атеисты за семьдесят лет постарались.

— Вы что, всерьез думаете, что атеисты виноваты в разрушении церквей? Настоящие виновники — ложные христиане, всякие купцы и дворяне, мироеды, которые мучили крепостных, пьянствовали, развратничали, а потом перед смертью пытались откупиться от греха, жертвовали деньги на постройку храмов. Виноваты и церковники, те, что пили, подлаживались под мирскую власть, благословляли всякие безобразия. Атеисты явились лишь орудием гнева Господня. Перечитайте пророков Библии, и вам все станет ясно.

Мы сидим, запрокинув головы, смотрим в черный космос, усеянный звездами.

А рано утром покидаем гостиницу, нам нужно вернуться в Самарканд, чтобы в первой половине дня вылететь в следующий пункт нашего путешествия — Бухару.

Голосуем у обочины. Приостанавливаются «Жигули». Водитель — худенький пожилой узбек — едет как раз до Самарканда. Едет другой, горной дорогой через перевал.

Стекла опущены. Свежий ветерок овеивает наши лица. Нарастает неистовый птичий щебет. Вдали высятся горы, из-за которых выходит слепящий солнечный диск...

11

Неделя в Бухаре пролетает незаметно. И здесь местные архитекторы водят нас по городу, рассказывают о своих проблемах. Мы посещаем медресе Улугбека, мавзолей Самонидов.

Как-то на помосте в чайхане оказываемся в обществе аксакалов. Эти седобородые люди в чалмах заводят с нами беседу о древних обычаях, об Авиценне, о богах и героях древности. Вы так уважительно разговариваете с ними. Будто со стороны смотрю я на эту сцену..

Напившись зеленого чая, мы уходим. Один из стариков останавливает меня, спрашивает:

— Кто этот человек? Ученый? Да продлит Аллах его дни!

Наступает утро, когда, попрощавшись с архитекторами и выписавшись из гостиницы, мы приезжаем в аэропорт, чтобы вылететь в Хиву. Там, в последнем пункте путешествия, нас должен встретить главный архитектор города.

До отлета в Хиву еще час с лишним.

— Полковник, зачем томиться в душном зале? Вон роскошная беседка, обвитая виноградной лозой. Пойдемте туда, будем без помех разговаривать. Помните, вы давно грозились рассказать о своем мистическом опыте?

В беседке и в самом деле хорошо. Солнце светит сквозь усохшие виноградные листья. Чирикание воробьев не заглушает голоса диктора, объявляющего о регистрации на рейсы.

— Батюшка, почему-то сильно побаливает затылок. Признаться, как-то не до мистического опыта.

— Бедняга! Лечите всех, а у самого поднялось давление, — вы возлагаете ладони на мое темя, молитесь. Боль исчезает.

— Так вы можете лечить?

— Никогда никому об этом не говорите! Житья не будет. Замучают.

Мы говорим о мистическом опыте. Моем. Вашем. Оказывается, с вами происходили поразительные вещи! И опять вы просите никогда никому про это не рассказывать.

— Видите ли, с нами случились события, память о которых нужно хранить глубоко в душе. Я уж не говорю о людях, ищущих предмета восторженного поклонения... Что-то долго не объявляют рейс. Схожу узнаю, в чем дело.

Через несколько минут вы возвращаетесь и еще издали кричите:

— Только не выпадайте в осадок! Наш самолет улетел. Уже три часа назад! И другого сегодня не будет.

— А в чем дело?!

— Мы с вами, великие мистики, ухитрились спутать сегодняшнее число и месяц на билетах с часом и минутами вылета! И это прекрасно!

— Как вы можете так говорить? Да еще смеяться!

— А что остается делать? Вот увидите, все будет хорошо.

— Ничего себе «хорошо»! Здесь из гостиницы выписались, там, в Хиве, нас встречал архитектор... Давайте билеты. Пойду к диспетчеру.

— Только не волнуйтесь. Помните — на все воля Божия.

Узнаю у диспетчера, что рейса в Хиву действительно больше не будет. Что вскоре пролетом в некий Турткуль, который находится где-то невдалеке от Хивы, совершит короткую посадку «ЯК-40». Если в нем найдутся свободные места, продадут билет.

— А если нет? Мне нужно два билета!

— Будет два — продам два, — отвечает диспетчер. — Но учтите, здесь еще одному пассажиру надо улететь.

Этот пассажир уже стоит рядом, ревниво прислушивается к переговорам. На нем тубетейка, серый костюм, сапоги с галошами.

— Знаете, — говорит он, — выслал в Хиву грузовик гранатов на продажу, а сам решил лететь самолетом. И проспал немножко.

— А как из этого Турткуля добираться до Хивы?

— Там переправа через Аму-Дарью. Оттуда на такси. Не очень далеко.

Минут через тридцать втроем входим в прилетевший «ЯК-40», летим в неведомый Турткуль.

— Полковник, не хмурьтесь. Неужели вы не понимаете, что жизнь дарит нам еще один узор на своем волшебном полотне?

— Хорошо сказал! — вмешивается наш попутчик и загадочно добавляет: — Что сейчас в Турткуле есть, весь год не увидишь.

И вот мы приземляемся совсем близко от паромной переправы через широкую Аму-Дарью.

Весь берег возле переправы представляет собой холмы свезенных сюда на баржах, автомашинах и подводах среднеазиатских дынь. Круглые, длинные, желтые, зеленоватые, полосатые — все сорта, какие есть в Азии, высятся перед нами, издавая немислимый аромат.

Любую из них можно купить за рубль.

Мы еще не знаем, на чем остановить свой выбор, а наш попутчик, вынув нож из-за голенища сапога, уже разделяет первую дыню, подносит нам два длинных, истекающих соком куска.

— А ну, пробуйте эту!

Мы не успеваем съесть угощение, как он подносит новые громадные ломти.

— Эта называется «красномясая»! А вот эта — царь всех дынь!

Мы уже попробовались. Но попутчик подбегает с новыми ломтями.

Наконец подходит паром. Путь рассчитан так, что течение само сносит его по длинной широкой дуге к другому берегу. Паром лишь подрабатывает двигателем.

Вы стойте, опершись о поручень.

— Смотрите, Володя! Все это было точно таким же и тысячелетия назад, когда шло великое переселение народов, когда зарождались цивилизации. Точно так же среди пустынь текут Нил, Тигр и Евфрат, разве что там кое-где пальмы на берегах... Нам необыкновенно повезло, что мы оказались здесь! Как голова? Не болит?

— Не болит, батюшка.

Паром причаливает. Пока сходим, расторопный спутник уже зовет нас в такси.

И вот мы мчимся в Хиву. Шестой час вечера. Неизвестно, где искать архитектора, безуспешно встречав-

шего нас утром в аэропорту. Решаем выйти у обкома партии. Только здесь есть надежда найти хоть какие-то концы.

Расплачиваюсь с водителем, прощаюсь с нашим попутчиком, который едет еще дальше на базар, а вы уже идете ко мне от здания обкома, улыбаетесь.

— Полковник! У меня ошеломляющая новость! Отгадайте, какая!

— В чем дело?

— Это — не Хива! Нас занесло в другой город.

На массивных дверях укреплена большая вывеска — «Хорезмский областной комитет КПСС». В вестибюле маятся дежурный милиционер.

— Все на хлопке, — говорит он настороженно, — руководят уборкой. Никого нет.

— А где Хива?

— Хива отсюда в тридцати километрах. Тут Ургенч.

— Если Ургенч, почему написано — Хорезмский обком?

— Так получилось. У нас всегда путаница. А что вам надо?

Едва начинаю объяснять, он тотчас перебивает:

— Так это вы? Вас с утра ждет городской архитектор, сюда приходил, спрашивал. Вот видите рядом корпус, он там, на втором этаже.

Наконец все улаживается. Архитектор отводит нас в интуристовскую гостиницу, где администратор долго

рассматривал ваш паспорт, спрашивал, кто вы такой, почему нет командировочного удостоверения...

— Не огорчайтесь, Полковник. Нужно постоянно помнить, где мы находимся. Если б вы знали, что я испытал только от одной нашей церковной братии. Все время стараются показать, что я чужой, нежелательный.

— А вы никогда не думали об отъезде?

— Как-то в отчаянии вздумал служить православным священником в Палестине. Но быстро опомнился. Если можешь хоть кому-то светить во тьме, уезжать — предательство. А вы как думаете?

— Батюшка, я ведь литератор, пишу на русском. Страна, в которой родился, это — судьба. Человека создает путь наибольшего сопротивления... Поэтому могу только благодарить Бога за все испытания. И за то, что мы с вами встретились. Именно здесь.

— И теперь, — подхватываете вы. — «Здесь и теперь». А что, неплохое название для вашего романа?

— Поразительно! Я ведь его так и собираюсь назвать! Дома в Москве на листочке записано. Телепатия?

— Почему бы и нет? Убежден, телепатия существует. Все это замечательно. Одно плохо. Из-за наших перемещений мы оба не имеем возможности работать. Я ведь уже начал писать словарь библиологии: обо всем, что касается Библии. От А до Я. Будет томов пять или шесть.

— Но ведь это задача для целого института!
— Раз такого института нет, должен же кто-то сделать эту работу. Итак, кто первый идет принимать душ?
— Идите вы.
— Нет уж. Давайте разыграем.
Вы подбрасываете монету. Первым выпадает мне.
Когда выхожу из ванной, застаю вас сидящим над блокнотом с авторучкой в руке. Вы задумчиво покручиваете завитки в бороде, пишете своим неразборчивым почерком, скорее похожим на закорючки стенографистки. Словно кто-то диктует.

12

Как в Самарканде и Бухаре, утром в гостиницу за нами заходит местный зодчий. Внизу ждет черная «Волга». Едем в Хиву. Все тот же утренний ветер путешествий врывается в окна. Встречное солнце слепит глаза.

Архитектор рассказывает о своих делах, я кое-что записываю, еще не зная, что в Москве статья так и не будет опубликована из-за глобальных перестроечных тем, заслонивших для редакции все частные проблемы.

Вы горячо участвуете в разговоре, то и дело обращаетесь к нам, пока не обращаете внимание на громоздкий аппарат, закрепленный между вами и шофером.

— Что это такое?
— Телефон, — отвечает водитель. — Можно позвонить в любой город Советского Союза.
— Прямо отсюда? На ходу? Не может быть!
— Попробуйте.
— Эх, жаль нельзя позвонить домой, в Семхоз! Там добавочный, сложно. А если кому-нибудь в Москву?
— Пожалуйста.

Вы набираете номер и, захлебываясь от восторга, общаете нашему общему знакомому Алику Зорину:

— Говорю из машины, которая мчит со скоростью девяносто километров в час! Едем с Полковником мимо ишаков, тополей, тутовых деревьев. Держим курс в Хиву. Привет всем! Аривидерчи!

Вы-то в восторге, а я сижу сзади и думаю: «Что ж это за машина с таким телефоном, какому ведомству она принадлежит?»

Весь день осматриваем музеи, архитектурные памятники Хивы. А к вечеру (по просьбе архитектора) идем в горсовет на беседу с его председателем.

Сидим в большом кабинете под портретом Ленина. Странно мне видеть вас в этой обстановке. А вы, как ни в чем не бывало, прихлебываете зеленый чай из пиалы, участвуете в разговоре о бедах этого города, о разрушении исторических памятников.

Утро следующего дня проводим в Хиве. Потом нас везут далеко за окраину Хивы, туда, где начинается пус-

тыня. Здесь у небольшого пруда стоит дом. В одной из его комнат на расстеленном по полу ковре в нашу честь накрывается обед.

Во дворе на мангале жарятся шашлыки. В котле варится рыба. С десяток громадных бродячих собак кружат рядом, привлеченные запахом.

— Полковник, эта пустыня — настоящая?

— Самая настоящая. Каракумы. Если так вот прямо идти через барханы на юг несколько сотен километров, пересечешь ее всю и выйдешь в Туркмению, к Ашхабаду.

— Прекрасно! Я пошел, — вы поворачиваетесь и начинаете уходить по песку.

— Куда вы, батюшка?!

— Хочу хоть раз побыть в пустыне. Не волнуйтесь. Скоро вернусь.

К моему изумлению, все бродячие псы, забыв о соблазнительных запахах, устремляются за вами.

Человек, окруженный собаками, уходит далеко-далеко. Вот уже и не видно за барханами..

Накрыт дастархан. Все сидят по-восточному вокруг уставленного яствами ковра. А вас все нет.

Не на шутку обеспокоенный, в который раз выхожу встречать и, наконец, замечаю вдали движущуюся точку.

— Ох, Полковник! — говорите вы, когда во дворе я сливаю вам ковшом воду для умывания. — Вся наша поездка

была замечательная. Но прогулка по пустыне!.. Знаете, как мне это было нужно! Проверить свои ощущения: я ведь столько писал о древних племенах..

13

Перестройка. Гласность. Демократия. Вспыхивает всеобщий интерес к подлинной истории страны, истории революции. Рушится догматическое мышление. Вроде бы меняется отношение государства к церкви. Многие люди вдруг задумались о смысле жизни, вечных проблемах бытия. Путаница в головах у большинства страшная.

Друзья, знакомые, пациенты постоянно обращаются ко мне с вопросами. А уж вас, батюшка, одолевают тысячи людей. И, тем не менее, однажды, когда я говорю, что в этой круговерти никак не могу закончить роман, что порой просто не знаю, как отвечать людям, вы предлагаете:

— Пусть запишут свои вопросы, а я попытаюсь ответить письменно.

Не знаю, как вам удастся находить время, но листочки с отпечатанными на машинке ответами я получаю очень скоро. Несколько из них сохранилось:

«Каково ваше отношение к “Розе мира” Даниила Андреева?»

— «Роза мира» — безусловно, талантливая книга, которая отражает определенный опыт Андреева. Но мне думается, что этот опыт носит скорее оккультный характер, нежели мистический. Оккультный в том смысле, что источник его не в высших сферах бытия, а, так сказать, в промежуточных, «астральных». Эта сфера, как известно, отличается обманчиво-изменчивым характером и способна создавать иллюзорные картины. Наиболее ценно у Андреева его чувство одушевленности мира (Лиурна), что подтверждается опытом многих ясновидцев. Мне лично это очень близко. Кроме того, что-то реальное кроется за образами уицраоров, но эта область менее бесспорная. Сама идея «Розы мира» для христианина представляется излишней, ибо синтез, который она подразумевает, может дать лишь подлинное Вселенское христианство.

«Почему каноничны только четыре Евангелия?»

— Церковь отдавала предпочтение тем текстам, которые соответствовали духу ее учения, адекватно передавали ее веру, идущую от апостольских времен. Апокрифические Евангелия были заражены духом античной теософии, чуждой изначальной керигме (благовестию Церкви). Наука нового времени показала, что четыре Евангелия самые древние и что все апокрифы — вторичного порядка, опирающиеся именно на наши канонические источники. Но, повторяю, дело не в датах, а в духе. Кстати, и в литературном отношении апокрифы

являются плевелами и несравнимы с каноническими Евангелиями.

«Где границы дозволенного в бытии одного человека за счет другого — между супругами, между детьми и родителями?»

— Эта граница условная. Идеал — полная прозрачность друг другу. Это прообраз грядущего единства человека. Смотри поэму Вяч. Иванова «Человек». Мы все ипостаси одного Адама. Но он расколот. В любви полов естественные процессы поставлены на службу единения людей.

«Что значит быть женщиной и быть мужчиной? После опыта безверия, осознания Пути, испытания свободой воли?»

— Вопрос мне не совсем ясен. Единство двух обусловлено тем, что один может и делает то, что другой не может и не делает. Если бы мужчина обладал всеми женскими свойствами, не нужна была бы любовь полов. Пол — залог единства как взаимодополнения. Это не имеет отношения к конкретной социологии семьи. В прошлом мужчина воевал, охотился, зарабатывал, а женщина занималась очагом. Сейчас женщина вовлечена в так называемые мужские дела, и поэтому резкое разделение труда стало размытым. Даже в Англии традиционный «божок», глава семьи, теперь часто готовит утренний завтрак. Но все же у нормального мужчины остаются воля и ответственность, а у нормальной женщины — теплота и дух «очага».

«Кто такие, с духовной точки зрения, люди с расстройством психики (сумасшедшие)?»

— Человек, грубо говоря, делится на три сферы: дух, душу и тело. Физические болезни, поражая тело, ограничивают его функции; психические болезни, поражая центральную нервную систему, ограничивают или искажают ее функции. Жизнь духа тогда как бы капсулируется. Но настоящая болезнь духа — это грех. Воля к добру может сделать и психически больного святым. (Например, юродивые.)

«Как понимать конкретные даты сотворения мира и других событий, упомянутых в Библии?»

— Библейские цифры символические и не имеют никакого отношения к хронологии. 7 — число, означающее совершенство полноты. Поэтому сотворение мира произошло за «семь дней». Конкретно же сроки возникновения мира должен устанавливать разум, наука, а не откровение, которое открывает людям лишь то, чего они не могут постичь силами одного естественного разума.

«Почему Иисус Христос назван не по древним библейским пророчествам? Ведь Он должен был быть наречен Эммануил — “с нами Бог”».

— Пророчество исполнилось не буквально, а по существу. Ибо пророчества — не прогнозы, не предсказания, а духовные предвидения сути мирового процесса. Если бы Христа назвали Эммануил, было бы слишком просто. Он был таковым.

14

Год 1986 выдался для меня сложным, постоянно отрываюсь от письменного стола, от романа. Поэтому, когда в сентябре появляется возможность уехать поработать над рукописью на Каспийское море в Дербент, я счастлив. И уж, конечно, особенно счастлив тем, что вы, батюшка, летите со мной.

Наша комната находится на третьем этаже каменного корпуса турбазы, расположенной на самом берегу, вдали от города. Умывальник, две кровати, две тумбочки, стол, два стула, шкаф для одежды. Да еще балкончик.

Первым делом вы отдергиваете молнию на своей дорожной сумке, извлекаете оттуда Библию в зеленом клеенчатом переплете, надписываете: «На память о седом Каспии. А. 1986», дарите мне.

Потом выходите на балкон, с восторгом оглядываете морскую синь.

— Мы будем видеть это каждый день! Давайте сразу макнемся?!

Спускаемся к пустынному пляжу. Ступаем в теплую воду. Дно под ногами устлано плоскими горными породами, поросшими водорослями. Вы видите, что мне скользко, бережно берете под локоть, поддерживаете.

И вот мы уже плывем.

— Полковник, не заплывайте далеко, чтоб я не волновался!

— Хорошо, батюшка!

Когда, наплававшись вволю, поворачиваю обратно, вы уже ждете меня, чтобы подстраховать.

Столовая турбазы расположена в другом здании, довольно далеко. Путь преграждает какая-то траншея, за ней высится забор из железных прутьев, который ничего не ограждает. Обходить не хочется. Вы обращаете внимание на то, что прутья в одном месте чуть разогнуты, и предлагаете:

— Давайте попробуем протиснуться! — и не без труда пролезаете первым.

Затем, обдирая бока, пролезаю и я.

— Полковник, это замечательная решетка! Мы с вами будем вести здоровый, спортивный образ жизни, плавать. Я начну бегать по утрам. Вы — делать зарядку. Похудеем. Каждый раз пролезать будет все легче и легче.

Столовая представляет собой затемненный зал с сотней грязных столиков, зашарканным полом. Берем липкие подносы, становимся в длинную очередь вслед за туристами. Получаем по тарелке похлебки под названием «харчо», кашу-размазню и по стакану так называемого компота.

— В чем дело, Полковник? Прекрасная еда. Никаких изысков, зато не поправимся, — сидя за столиком, вы с аппетитом хлебаете харчо.

— Не поправимся, — подтверждаю я. — Если не попадем в больницу — тоже будет хорошо. Знаете что, батюшка, с этой столовой все ясно. Давайте-ка переходить на фрукты. Чай, кофе у нас есть. Хлеб купим. Может, где-нибудь в магазине найдем сыр.

— Посмотрим, — неопределенно отвечаете вы, принимаясь за кашу.

После обеда покупаем на расположенном у ворот турбазы импровизированном базарчике виноград, груши и два арбуза. На обратном пути ухитряемся со всем этим добром пролезть сквозь проклятую решетку.

Очутившись в своей комнате, моем фрукты, при помощи кипятильника приготавливаем по стакану растворимого кофе. Садимся работать. Тут выясняется очевидная вещь: писать вдвоем за одним столиком невозможно, тесно. Да и отвлекаем друг друга.

— Значит так, Полковник. Я беру стул, тумбочку и перехожу на балкон. Солнце оттуда уходит рано, ведь это восток.

— Давайте наоборот, — предлагаю я. — Здесь все-таки стол, а у вас много бумаг.

— На балконе вы ничего не напишете. Будете глазеть на море, на туристок, короче говоря, рассеиваться. А я привык трудиться на воздухе. Ведь у меня в Семхозе беседка.

Вы обустроиваетесь и с ходу начинаете писать. А я долго не могу собраться с мыслями. Все поглядываю на балкон, где вы работаете.

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! Неужели все это было? Был ваш огромный, великолепной лепки лоб, склонившийся над рукописью. Была рука, в раздумье закручивающая завитки в бороде. Неужели ничего этого нет? Не будет никогда? Боже, зачем Ты забираешь с земли лучших!

...Часа через полтора вы шагаете с балкона в комнату.

— Как дела, Полковник? А не попробовать ли нам арбуз? Где у вас ножик?

И снова усаживаетесь за работу. А вечером мы снова идем купаться в море.

15

Утро начинается с молитвы.

Я стою за вашим плечом. Вижу поднимающееся над морским горизонтом солнце, повторяю за вами вполголоса:

— Отче наш, иже еси на небесех...

Мы читаем все утреннее правило.

Но как-то, когда на рассвете приехал на «Жигулях» мой знакомый историк, чтобы отвезти нас к больному, и осталось совсем мало времени, вы ограничились одной молитвой. Мне неизвестной.

— Что это такое вы читали, батюшка?

— Давайте листок, я вам напишу. Чтобы выучили. Так я всегда молюсь, если не остается ни минуты.

Вот он, этот листок, передо мной:

Люблю Тебя Господи

Люблю более всего на свете

ибо Ты истинная радость душа моя

ради Тебя люблю ближнего

как самого себя Аминь

Написано без точек и запятых. Как говорится, как думается. На одном дыхании.

Обычно после молитвы вы спускаетесь вниз и бежите по тропинке вдоль берега. С балкона, где я делаю зарядку, видно, как фигурка в синей рубашке и синих брюках далеко-далеко забирает влево, скрывается за деревьями, вновь показывается...

— Володя! Спускайтесь скорей! — слышится снизу. — Смотрите, какое сегодня море — прелесть!

Так чрезвычайно просто складывается наша жизнь на турбазе. Постепенно и я втягиваюсь в работу. Роман близится к концу. Каждый вечер вы просите прочесть написанное мною за день.

— Давайте когда-нибудь сочиним вместе киносценарий! — предлагаете вы однажды.

— Какой?

— О жизни и смерти. Я постоянно об этом думаю. Вот вы закончите роман, я напишу все статьи для своего сло-

варя, хотя конца-края этому не видно, и мы попробуем рассказать с экрана о самом важном для всех. Это действительно важно, особенно сейчас, когда началась великая суэта. Вот вы радуетесь — перестройка... Я тоже, конечно, рад. Но знаю, что в той же мере, в какой возрастают силы добра, возрастают и силы зла. Нужно ориентировать людей на вечное. Мы еще вернемся к этому разговору... А сейчас я хочу предложить вам одну экспедицию. Вы заметили, там, у столовой, расположена танцплощадка? Не сходить ли нам посмотреть?

Пораженный этим предложением, поднимаюсь со стула.

И вот мы сидим в темноте на скамейке под раскидистым деревом. Перед нами на залитом электрическим светом асфальтовом пяточке дергается, прыгает, трясется толпа. Так называемый «диск-жокей» — парень из местного персонала — меняет кассету в магнитофоне и, явно издеваясь над публикой, орет в микрофон:

— А теперь белый танец! Сегодня наши гости — туристки из Вологодский и Архангельской областей. Пусть дамочки — Маши, Наташи и прочие Ньюши — сами приглашают кавалеров. Но только из местных! Чтобы показать дружбу народов. И даже любовь!

Подчиняясь этому призыву, девушки и женщины робко направляются к уголкового вида личностям, плотно окружившим танцплощадку. Усиленная динамиками какофония вновь взрывает тишину.

Мы идем в темноте по тропинке. Рядом бьется о скалы морская волна.

— Я воспринимаю наше время как начавшийся Суд Божий, — говорите вы. — В сущности, с тех пор как Христос появился на земле, Суд уже начался. Ведь вся жизнь в человеческом обществе — это уже есть голгофа.

Ночью разыгрывается шторм. После завтрака мы на весь день уезжаем в Дербент.

Этот город, возникший там, где гряда Кавказа ближе всего подходит к Каспийскому морю, издревле контролировал узкий проход с севера на юг. Грозная крепость Нарын-Кала до сих пор высится на скале.

Там во второй половине дня нас ждет местный историк, чтобы потом, когда схлынут толпы экскурсантов, все нам детально показать.

А до тех пор мы гуляем по этому своеобразному городу, который выглядит лишь подножием циклопической цитадели, заходим в книжный магазин. Вы покупаете несколько книг, в том числе сборник поэм Евтушенко.

— Батюшка, зачем это вам?

— А вдруг? Вдруг есть хоть одна человеческая строчка?

Обойдя чуть не весь город, осмотрев Джуму-мечеть, медресе, Армянскую церковь, решаем отдохнуть в пустынном парке.

Сидим на скамейке возле чайханы на открытом воздухе, видимо, не работающей ввиду отсутствия посетителей.

Вы достаете из сумки книжку Евтушенко, читаете вслух одну строфу за другой. Перелистываете страницы. Снова читаете. Хохочете над кокетливой выпренностью, беспрестанным самолюбованием автора.

— Даже там, где он вроде бы смел, прогрессивен, все это бойкая версификация, не имеющая никакого отношения к поэзии. Не о чем говорить! А знаете, Полковник, возможно, вы будете удивлены, последнее время я все чаще перечитываю Маяковского. Не говоря уж о его громадном таланте, это был непростой человек. Убежден, при всем богоборчестве он в душе — глубоко религиозен, пусть неосознанно. Нечто вроде библейского Иова, спорящего с Богом.

И вы начинаете читать наизусть строфы из «Облака в штанах», «Флейты-позвоночника».

— Эй, граждане! Идите сюда! Открыто! — зовет пожилой усач в белом переднике.

Мы переходим за столик чайханы. Нам подают крепкий чай в маленьких, перехваченных в талии бакинских стаканчиках, колотый сахар на блюдечке.

Чайханщика явно привлекают два непривычных посетителя. Он присматривается, прислушивается, затем подсаживается к нашему столику. Рассказывает о многонациональном городе, о подпольных миллионерах,

о борьбе кланов, о том, как директор местного коньячного завода, узнав о грядущей ревизии, выпустил из бочек в канаву громадное количество «левого» коньяка и жители ведрами черпали из этого потока. Потом делится с нами бедами своей семьи — все болеют, лечатся, приходится давать врачам огромные взятки...

— Всюду одно и то же, — говорите вы, тяжело вздохнув. — Как вас зовут? Гасан? Спасибо вам большое, Гасан! Надо идти.

— Нет. Так не отпущу. Сделаю вам салют.

Гасан порывисто встает, куда-то отходит. Внезапно вокруг чайханы взметаются фонтанчики, фонтаны, фонтанищи. Упругие струи воды дробятся на ветру, сверкают под солнцем, обдают брызгами зелень кустов и деревьев.

Чайханщик, сияя, провожает нас, просит заходить еще.

Мы поднимаемся крутыми узкими улочками в цитадель. По булыжникам мостовой стекают потоки помоев. Шелудивые псы бегут за подводой, везущей накрытое брезентом мясо. Ветхие восточные старушки, присев на корточки, торгуют жестянками из-под консервов, книжками без переплетов, старыми фуфайками...

— Запоминайте, Полковник! Смотрите во все глаза. Вот вам наглядная иллюстрация к так называемому развитутому социализму.

Мы проходим мимо каменной ниши, где подростки, торопливо передавая друг другу самокрутку, вдыхают какую-то «травку».

Наверху, в цитадели, встречаемся с местным ученым-историком. Он увлеченно водит нас по обширной территории крепости, рассказывает о битвах, завоеваниях и разгромах. До темноты лазаем с ним по раскопкам археологов, узнаем о фортификационном искусстве древних, о подземных ходах, выводящих к самому морю.

Не устаю дивиться тому, как местные ученые мгновенно распознают, с кем они имеют дело. Поражаясь вашей энциклопедической образованности, задают вопросы, втягивают в обсуждение научных проблем, делятся своими гипотезами.

— Владимир Львович, а не пора ли нам домой? — спрашиваете вы, несколько устав.

Вы, как и я, «жаворонок». Часам к одиннадцати вечера хотите спать, зато рано встаете.

Утром слышу возглас:

— Володя! Смотрите, и сюда пришла осень!

Над успокоившимся морем треугольником летит громадная белая стая. Мы долго провожаем ее взглядом.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, — шепчут ваши губы. — Боже, буди милостив ко мне, грешному...

Целыми днями мы работаем. Обедать, несмотря на ваши уговоры, я не хожу. И порой вижу с балкона, как вы в одиночестве пролезаете через прутья решетки.

— Полковник, сегодня на второе давали котлету. Я вам принес. Съешьте, пожалуйста.

Садимся работать. Часа через два:

— Володя, а не макнуться ли нам в море? Застопорило, не пишется. Вот чем я занимался вместо дела, — вы показываете два листа бумаги, покрытые рисунками доисторических зверей. Тут и мамонт, и птеродактиль, и звероящер... Целых двенадцать изображений. В самом низу одного из листочков две условные человеческие фигурки с подписью: «Два дервиша». — Это мы с вами, — говорите вы и собираетесь порвать рисунки.

— Что вы делаете?! Сашенька! Отдайте их мне, очень прошу!

Эти рисунки лежат сейчас передо мной. Изумительно исполненные, точно с натуры. И с юмором...

Искупавшись, мы поднимаемся по лестнице домой. В холле между вторым и нашим третьим этажом работает телевизор. Идет какой-то детский мультфильм. И я вижу, как вы замираете, останавливаетесь, опускаетесь в кресло.

Давно заметил, кино просто притягивает вас. Любое. Я так и норовлю уйти, если фильм не нравится. Вы же ухитряетесь досмотреть до конца даже самую слабую картину, пытаетесь понять, почему плохо получилось, анализируете.

— Так вот, Полковник, снова возвращаюсь к идее написать сценарий о жизни и смерти. Думается, там

не должно быть актеров. Давайте возьмем интервью у людей, переживших клиническую смерть, у священнослужителей всех религий, выделим то общее, что говорит о посмертном существовании. Может, сами и поставите? Не зря же вы кончали Высшие режиссерские курсы!

— Да кто же нам даст снять такой фильм?

— Дадут! Именно сейчас момент, когда можно прорваться. Кто знает, что будет потом!

На следующий день на пляже появляется фотограф. Вы немедленно извлекаете меня из морских волн. И вот мы сидим на обломке скалы перед камерой.

За несколько дней до отъезда получаем фотокарточки.

— А знаете, я еще никогда так не отдыхал! И накупались, и поработали.

...В холодном вагоне с разбитыми окнами мы едем в Москву навстречу дождям, навстречу будущему.

16

Весной 1987 года я заканчиваю роман. И неожиданно решаю жениться. Представив вам Жанну, вижу ваше полное одобрение.

Вы венчаете нас, торжественный, строгий.

— Признаться, я очень беспокоился за Полковника. Негоже человеку быть одному. Дай Бог, хоть у вас все будет хорошо, — говорите вы моей жене.

Перемена в моей судьбе нисколько не отдаляет нас друг от друга. В те дни, когда я посещаю храм в Новой Деревне, часто жду вас после службы, чтобы потом ехать вместе в Москву. Ожидание порой затягивается на долгие часы. Множество людей скапливается в церковном дворике, каждому необходимо задать свои вопросы, поговорить. Выйдя из храма, вы попадаете в плотное кольцо жаждающих общения. И для каждого находится слово, улыбка. Многие тянутся за вами в церковный домик, в кабинет.

— Минуточку! — вы быстрым шагом выходите к воротам, где я жду у своего «Запорожца». — Володя, еще минут тридцать, от силы сорок, и мы поедem. Хорошо?

— Конечно. Не беспокойтесь, не спешите.

Проходит еще час, полтора. Наконец вы появляетесь со своим неизменным тяжелым портфелем, садитесь в машину, протягиваете бутерброд или яблоко.

— Извините, Полковник. Заставил вас столько прождать.

— А вы сами-то успели поесть?

— Поклевал. Ну, так какие новости с романом?

— Читают в разных журналах. Говорят, что очень интересно, нравится, а в рецензиях пишут, то что слишком

велик объем, то что советский читатель не подготовлен к такого рода произведению.

— Это точно. Не подготовлен. Знаете что, сегодня, когда закончу все требы, заскочим к вам. На всякий случай хочу взять у вас один экземпляр.

— Зачем? Чем вы можете помочь? У вас самого ни одной книги в Союзе не издано.

— Пути Господни неисповедимы, — неопределенно говорите вы и спрашиваете: — А почему это вы не едите яблоко?

— Вести машину с ручным управлением и одновременно есть практически невозможно.

— Ну, так я вас буду подкармливать.

В Москве мы разыскиваем улицы, переулки, где живут люди, ждущие вашей помощи, благословения. Только вечером попадаем ко мне домой. Вы торопливо пьете кофе, делаете несколько телефонных звонков, забираете рукопись романа.

И вот уже Ярославский вокзал.

— Храни вас Господь! — вы осеняете меня крестным знаменем и, как всегда, не оглядываясь, стремительно шагаете к платформам.

Дома Жанна рассказывает, что каждый раз, попадая к нам, вы, улучив минутку, спрашиваете: «Как у вас с Володей? Берегите его. Не нуждаетесь? Вот, возьмите деньги, только пусть он не знает».

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! Когда Жанна отказывалась от вашей помощи, вы тайком засовывали деньги в стоящие на полках книги! Совсем недавно, раскрыв давно не перечитываемого «Моби Дика», я обнаружил еще несколько двадцатипятирублевков.

С 1988 года в стране создаются условия, дающие вам возможность выступать с открытой проповедью учения Христа.

Первые выступления вне храма, первые публикации в газетах и журналах, подписанные «протоиерей Александр Мень». Конечно же, я счастлив, что вы вышли к людям, на громадную аудиторию. И в то же время глухое, завистливое неодобрение церковных иерархов, нарастающие угрозы общества «Память» — обо всем этом мне тоже становится известно.

— Батюшка, вы так рано уходите из дома, поздно возвращаетесь. Неужели вы не чувствуете, что это опасно? Однажды какой-нибудь мерзавец подстережет... Сколько ваших друзей, сменяя друг друга, могли бы вас охранять! И делали бы это с удовольствием.

— Ну, что вы, Полковник! На все воля Божия.

Мгновенная, словно при вспышке молнии, страшная сцена увиделась давно, еще до того, как вас допрашивали в Совете по делам религий. Еще в те дни просил и уговаривал стать осторожным. И всегда получал один и тот же ответ:

— На все воля Божия.

Летит время. Вас впервые выпускают за границу — в Польшу.

— Батюшка, если будет возможность, побывайте в Кракове. Говорят, замечательный город.

По возвращении вы объясняете, что все время ушло на работу в библиотеках — изучали материалы к своему словарю по библеистике. Было не до поездок.

Однажды вы показываете мне длинный лист бумаги, где на компьютере набрано расписание выступлений на всю первую половину 1989 года. Заранее обозначен каждый день, час.

Наступает вечер, когда вы впервые появляетесь на экране телевизора. В это время мы начинаем видеться реже. Вы заняты с утра до вечера. Утром служба, днем требы, по вечерам выступления. А еще встречи со все большим количеством людей.

Всегда внезапно раздается телефонный звонок.

— Полковник, звоню из клуба на Волхонке, через пять минут иду на сцену. Как вы там?!

— Издательство «Советский писатель» заключило договор на роман! Выйдет в 1991 году*.

— Поздравляю! Я же вам говорил — не отчаиваться. На днях зайду. Привет Жанне!

* Роман «Здесь и теперь» вышел в 1991 г. в издательстве «Советский писатель» тиражом 15000 экз. — *Ред.*

Через несколько дней тишину взрывает характерный тройной звонок в дверь. Вы появляетесь все с тем же портфелем и рюкзачком через плечо.

— Неужели через два года мы с вами будем держать в руках книжку под названием «Здесь и теперь»?! Еще раз говорю, ваше дело сочинять, не теряя ни дня. А что вы сейчас делаете? Помните, вы рассказывали о двух своих поездках — на Кавказ и в Египет? Должен вам сказать, я часто возвращаюсь в мыслях к этим историям. А если на их основе написать вторую часть духовных поисков вашего героя — Артура Крамера? Подумайте!

Попив чая, вы озабоченно взглядываете на часы.

— Знаете что, давайте по дороге к вокзалу заскочим в кулинарию: сегодня ко мне должен приехать в гости один священник из Чехословакии, а дома хоть шаром покати.

Мы заезжаем в одну кулинарию, в другую. Там тоже хоть шаром покати, пустые полки. Лишь наискосок от Ярославского вокзала удастся купить два килограмма истекающего водой фаршированного перца. Вы запикиваете его в пластиковую сумку.

— Батюшка, поедем еще. Какое это угощенье? Ерунда.

— Прекрасное угощенье! Прекрасное! Все равно больше ничего не достанем. А время дорого. И у меня к вам просьба: на днях улетаю вместе с деятелями культуры

на какой-то симпозиум в Германию. Лететь надо утром. Можно накануне вечером я к вам приеду, переночую? Ведь вы живете на трассе Шереметьево-2.

— О чем разговор? Конечно.

С тех пор вы всегда перед отлетом за границу ночуете у меня. Вместе ужинаем, смотрим телевизор: стали показывать церковные службы, храмы, все чаще в устах выступающих мелькает слово «духовность».

— Конечно, спасибо и за это... — говорите вы. — Кто бы мог подумать, что мы с вами доживем до такого... И все же все это вряд ли имеет отношение к религии. Просто распались старые тоталитарные скрепы. Колоссально возрос разгул преступности. Государство растерялось. Хочет при помощи церкви установить хоть какие-то моральные нормы. Обратите внимание: никто, даже иерархи, выступающие по телевизору, никогда, ни разу не проповедуют Христа, Бога, не говорят о самой сути того, что мы знаем, во что верим. Сладенькие пейзажики с церквями, что продают на Старом Арбате, — вот и вся «духовность». Должен сказать, даже и это может кончиться в любую минуту. Нужно спешить! Нести людям подлинное слово Христа, а не какой-то духовный эрзац для бедных.

Наступает 1990 год.

По телевидению, по радио, на стадионах, во множестве аудиторий звучит ваш голос. Газеты и журналы публикуют ваши статьи. Ваша проповедь доносится до миллионов людей.

Обычно я не хожу на ваши выступления. И не только потому, что занят, написал повесть, затеваю новую вещь, связанную с теми путешествиями, о которых мы говорили.

Я почти не бываю на этих выступлениях, так как физически чувствую атмосферу идолопоклонения, которую создает вокруг вас восторженная публика. Вера — дело глубоко личного духовного опыта. Массовое, повальное увлечение религией — всего лишь увлечение, мода. Кроме того, у толпы есть свойство, воздвигнув кумира, через некоторое время его свергать...

А вы, вроде ничего этого не замечая, с чистым сердцем продолжаете свою проповедь.

Как-то вечером подъезжаю к клубу на Волхонке. Вы появляетесь, окруженный людьми. И здесь, на улице, они все задают вопросы, спрашивают, когда можно приехать в храм креститься.

Наконец вы садитесь в машину, и мы едем.

— Полковник, вы не хотите мне что-то сказать?

— Нет.

— Не лукавьте. Я уже давно чувствую, назрело. Говорите!

— Ох, батюшка, может быть, я не прав, но мне кажется, что все эти люди превращают вас в суперзвезду. Поверьте, во мне говорит не ревность. В некоторых своих статьях вы начали повторяться. А каждое ваше выступление, по моему, должно быть событием.

— Володенька, вы совершенно правы. Но войдите и в мое положение. Столько лет я молчал! А теперь, подобно сеятелю из притчи, получил уникальную возможность разбрасывать семена. Да, большая часть из них упадет на каменистую почву, всходов не будет. Думаете, я не вижу, какая каша в головах у людей? Но если после моего выступления пробудится хоть несколько человек, пусть даже один, разве этого мало? Знаете, такое ощущение, что вскоре все это кончится, по крайней мере для меня.

— С чего это вы взяли?

— Между прочим, на днях встречаюсь с писателями в Доме литераторов. Приходите!

И вот я сижу в переполненном зале, смотрю на освещенную сцену, где вы, прочитав лекцию, с микрофоном в руке отвечаете на вопросы. Им несть числа. Вы вдохновенно отвечаете на них, пока не разворачиваете очередную записку.

— Ага! Вот она! Ну как же! Я давно ее ждал. Даже здесь не обошлось без нее. «Что делаете вы, еврей, в нашей православной церкви?» — вот что тут написано...

Отец Александр, Александр Владимирович, Саша! Вы спокойно рассказываете аудитории, что для христианства «нет ни иудея, ни эллина», а у меня сжимается сердце. Как же я мог укорять вас, когда каждое ваше выступление в этой обстановке — это еще и акт личного мужества... «Господи! Сохрани и спаси батюшку моего, отца Александра!»

Весной и летом вы совершаете две поездки в Италию. После одной из них встречаю вас в аэропорту Шереметьево, заранее радуясь, что вам удалось отдохнуть.

Вы появляетесь из-за стойки таможенного контроля неузнаваемый. Постаревший. Какой-то низенький. Под глазами мешки.

— Что случилось, батюшка?

— Никогда больше не буду ездить за границу. Во-первых, дорого. Я не имею права тратить на себя такие деньги. А во-вторых, суета сует. В конце концов все, что я видел, я уже знал по книгам и кинофильмам. Лучше бы поработал дома, до сих пор словарь не отшлифован. А как ваши дела? Двинулся новый роман?

— Двинулся.

— Слава Богу! Купил вам в Риме ваши любимые ручки с черной пастой. Пишите. Специально приеду на днях послушать.

31 июля 1990 года. Если б я знал, что мы видимся в самый последний раз, что осталось ровно сорок суток...

В тот день я с утра уезжаю по делам, а когда возвращаюсь домой, слышу ваш голос. Вы с Жанной обедаете на кухне, о чем-то разговариваете, смеетесь.

— Что это вы тут обсуждаете?

— Вас, Полковник! Куда это вы запропастились? Есть просьба. Мне нужно съездить в Строгино, исповедать и причастить одну больную. А потом, если не против, вернемся к вам, и я послушаю, что вы там накарябали.

— Поехали.

— Сначала перекусите. Вы же голодный.

В Строгино мы задерживаемся. Больную долго умывают, переодевают, перестилают ей постель. Ждем на кухне.

— Полковник, некоторое время тому назад я переслал рукопись вашего романа в Англию. Вдруг его там переведут!

— Кому? Куда?

— А это не ваше дело. Ваше дело — творить. Жанна говорила, собираетесь в Коктебель. В Дом творчества?

— Да. Если дадут путевку.

— Эх, Полковник! Если бы я так бездарно не провел отпуск в Италии, набился бы поехать с вами. Устроился бы где-нибудь рядом...

— Замечательно! А может, получится? Неужели не вырветесь хоть дней на десять? Мы должны ехать в самом конце августа. Давайте куплю и вам билет!

— Куда там! Я ведь еще затеял строительство крестильни при храме. Уезжая, оставил поручения вроде бы самым надежным людям. Ничего не сделано, ничего. Пришлось впрягаться.

— А что с выходом ваших книг ж Союзе?

— Масса предложений. А в результате пока что ноль. У кого бумаги нет, у кого — типографии. Одни благие намерения. Словарь окончил. С его изданием тоже сплошной туман.

Наконец больная подготовлена. Вы уходите в ее комнату. Я остаюсь один. У меня еще есть время придумать, как уговорить вас все-таки поехать с нами. Может быть, если бы я нашел слова, доводы, доказательства и сумел убедить вас в необходимости этой поездки, ничего бы не случилось?

Не знаю. Во всяком случае чувство вины безмерно. И ему нет исхода.

На обратном пути вы просите остановиться возле булочной.

— Зачем, батюшка?

— У вас дома нет хлеба.

Выходите из магазина еще и с тортом.

— Вот. Повезло. Шоколадно-вафельный.

Сидим на кухне за чаем с тортом. Вы, словно оттаяв, увлекательно рассказываете об Адриатическом море, о меч-рыбе и других чудесах тамошнего подводного мира. Затем я читаю вам первые страницы нового романа.

— И это все, что вы написали? Полковник, над прошлым романом вы работали семь лет. Чудовищно долго. Сколько же времени потребует этот? У вас ведь все продумано, все вместе обсуждали, я вас благословил. В чем дело?

— Жизнь отвлекает, а так все в порядке. Даже название придумал.

— Какое?

— «Все детали этого путешествия».

— Годится! Уместно. Очень. Вот поедете в Коктебель, ничто там не должно отвлекать. Макайтесь время от времени в море и пишите. Чтоб привезли хотя бы половину вещи. Тогда к Новому году она будет закончена. Надо спешить, Полковник! В который раз говорю: кто знает, что нас ждет.

...А через сорок дней, когда, искупавшись после работы, я распластываюсь на горячей гальке коктебельского пляжа, возникает женщина с бумажкой в руке, кричит:

— Кто здесь Владимир Файнберг?!

Поднимаюсь. Иду ей навстречу.

— Вам телефонограмма из Москвы, — говорит она, с ужасом глядя на меня.

Читаю: «Убит отец Александр Мень».

К похоронам я не успел. На девятый день стою в углу церковного дворика у могилы, скрытой под горой цветов.

Заместитель директора Библиотеки иностранной литературы Катя Гениева говорит:

— За несколько дней до гибели отец Александр был у меня на работе. Как раз пришло письмо из Лондона о том, что роман «Здесь и теперь» занял первое место. Он не хотел говорить вам, что это был конкурс. Чтобы в случае неудачи не пострадало ваше самолюбие. Если бы вы видели, как он обрадовался! Подпрыгнул чуть не до потолка. Сказал: «Надо написать, поздравить Полковника».

Что мне теперь до романа? Я осиротел. Как осиротели сотни людей, тесно стоящих вокруг с зажженными свечами в руках.

Сашенька, Сашенька, как мы все хотели уберечь вас, но в страшную минуту, всегда окруженный людьми, вы остались один...

Александр Владимирович, дорогой, любимый, неужели там, в этой могиле, недвижно лежите вы? Самый живой, самый веселый...

Отец Александр, батюшка мой, какие мысли мелькали у вас, когда, истекая кровью, вы еще двигались по дорож-

ке к дому? О чем молились? Почему тем встретившимся женщинам не назвали имя убийцы?

Впрочем, ведь вы никогда, ни разу ни о ком не сказали плохого. Ни о ком.

В одной из своих книг вы пишете: «Жизнь по заветам религии неотделима от борьбы за торжество добра, борьбы за все светлое и прекрасное; она должна быть не пассивным ожиданием “манны небесной”, а мужественным противостоянием злу».

Читаю и вновь слышу ваш голос, отец Александр, Александр Владимирович, Саша...

СОДЕРЖАНИЕ

«Даром получили...»

3

Воспоминания об о. Александре Мене

77

Владимир Львович Файнберг
«ДАРОМ ПОЛУЧИЛИ...»
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ о. АЛЕКСАНДРЕ МЕНЕ

Компьютерная верстка — *А. Панов*

Подписано в печать 18.06.2010. Формат 70x100/32.
Гарнитура Garamond. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 5,0 Тираж 1 000 экз.

Книги можно приобрести
в книоторговой фирме «ИП Фигурнова»
тел. 8 (499) 158-10-58
моб. 8 (926) 223-30-50, 8 (962) 940-68-02,
figurnova@yandex.ru

или в храме свв. бессрр. Космы и Дамиана
по адресу: 103109, Москва, Столешников пер. 2;
или заказать и получить наложенным платежом по адресу:
123104, Москва, а/я 24, «Первая строка» (книга — почтой)
тел. 8 (495) 638-51-83
biblio@dbiblio.org

ISBN 5-98024-006-3

Отпечатано в типографии
БКИЦ «Путь, Истина и Жизнь»
Тел. (495) 742-78-07